

БЫВШАЯ ТЕМНОГО

— Всё будет по-моему —

UNAVI -

Бывшая Тёмного: Всё будет по-моему

<https://litres.ru/74444227>

Аннотация

Проснуться в сырой темнице в теле роскошной рыжеволосой красавицы?

Вчера я считала квартальные отчёты и переживала из-за подорожавшего творага. А сегодня я — Малика, бывшая наложница самого Тёмного Повелителя дроу, обвинённая в измене. Моё новое тело — произведение искусства: пышные формы, огненные волосы и глаза, от которых у мужчин сносит крышу. Приговор — казнь на рассвете. За что? Подставили завистливые гаремные крысы.

Но у меня за плечами сорок семь лет жизни, развод, двое детей и свекровь-тиран. Меня так просто не возьмёшь.

Когда Тёмный Повелитель Дариан явился насладиться моим страхом, он не ожидал увидеть женщину, которая смотрит на него как на надоевшего бывшего. Впервые в жизни ему ответили не лепетом, а дерзостью. Казнь откладывается. И кажется, самый опасный из дроу уже начал смотреть на меня иначе...

Принцы, эльфы, маги и целый гарем коварных соперниц? Я не собираюсь играть по вашим правилам. В этом мире я

построю свою империю. А тёмному бывшему устрою жизнь, полную сожалений. Ведь мудрая женщина знает: лучшая месть — это счастливая жизнь. Всё будет по-моему!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10	86
Глава 11	97
Глава 12	105
Глава 13	116
Глава 14	125
Глава 15	134
Глава 16	142
Глава 17	153
Глава 18	165
Глава 19	174
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Глава 1

Я не проснулась, а воскресла. Голова гудела так, словно вчера я не просто «перебрала с Анькой», а отметила закрытие всех кредитов разом. Во рту — будто кошки переночевали вместе со всем своим потомством. Я попыталась нащупать подушку, чтобы накрыть голову и застонать в неё от души, но рука упёрлась во что-то холодное и шершавое, похожее на камень.

— Ань, ты меня где бросила? — прохрипела я, не открывая глаз. — Если это твоя новая квартира, то ремонт — дно.

Ответа не последовало. Я приоткрыла один глаз. Низкий, сырой каменный потолок, влажные стены, пахнет плесенью и общественным туалетом на вокзале. Прекрасное начало дня. Судя по ощущениям — понедельник.

— Та-а-ак, — протянула я, приподнимаясь на локтях. — Спокойно, Света. Ты взрослая женщина. У тебя почти закрыта ипотека, двое детей и бывший муж-придурак. Ты переживала вещи и похуже. Например, корпоратив в две тысячи восемнадцатом.

Я села и огляделась. Картина маслом: я в каком-то каменном мешке. Стены серые, пол серый, решётка на маленьком окошке под потолком — тоже серая. Сквозь неё пробивается тусклый зеленоватый свет. Единственная деталь интерьера — массивная деревянная дверь. С моей стороны никаких

засовов, разумеется, нет. Я в тюрьме.

— За что?! — возмутилась я вслух и тут же осознала две вещи.

Первый: голос не мой. Звонкий, мелодичный, с грудной вибрацией. Мой родной голос звучал иначе — немного прокуренный, уставший, с хрипотцой человека, который много лет объяснял начальству, почему нельзя списать корпоративный банкет на «канцелярские расходы».

Вторая вещь поразила меня ещё больше. Когда я возмущённо взмахнула рукой, перед глазами мелькнули длинные волосы. Я замерла, ведь давно носила короткие стрижки. Вытянула руку и заметила: тонкое запястье, длинные изящные пальцы с идеальным маникюром. Без сухости кожи от вечного мытья посуды. Я поднесла руку ближе к лицу. Ощупала гладкую, явно молодую кожу.

— Не поняла, — сказала я чужим голосом.

Схватила длинную рыжую прядь волос, которая упала мне на плечо. Густая, как у моделей из рекламы шампуня, которым я никогда не верила.

— Не поня-а-ала, — протянула я уже с нарастающей тревогой.

Я опустила взгляд ниже. На мне было какое-то странное одеяние — не то ночная рубашка, не то костюм для ролевых игр «узница подземелья». Тонкая ткань, разорванная на плече. Но разорванная она была очень... живописно. Как в кино, где героиня даже в грязи должна выглядеть сексуаль-

но. А под этой тканью обнаружилось тело совершенно мне незнакомое. Я машинально ощупала себя. Талия — узкая. Бёдра — округлые. Грудь — третьего размера, не меньше. Молодая, упругая, стоит как памятник. Я бы позавидовала, если бы не была в шоке.

— Я секси! — вырвалось у меня.

И это была чистая правда. Я, Светлана, мать двоих детей, бухгалтер с двадцатилетним стажем и обладательница хронического радикулита, внезапно стала писаной красавицей с формами, от которых у любого мужчины случился бы инфаркт пятой точки.

— Это сон, — сказала я громко, чтобы убедить саму себя. — Мне снится сон. Вчера был тяжёлый день, я перебрала с Анькой. Мы отмечали её развод, пятый по счёту, между прочим. Вот мозг и выдал... такое.

Объяснение мне понравилось. Я даже немного расслабилась. Сон — это хорошо. Во сне можно всё.

— Значит так, — деловито произнесла я, поднимаясь на ноги. — Сейчас я представлю, что я на Мальдивах. Белый песок, коктейль с зонтиком, мускулистый массажист по имени Рафаэль...

Я зажмурилась и попыталась перенестись на Мальдивы. Из всех сил представила шум волн, крики чаек, ласковое солнце. Даже Рафаэля представила. Очень мускулистого в плавках.

Открыла глаза. Каменная конура, плесень, решётка.

— На Мальдивы не хочешь? — мрачно спросила я у вселенной. — Ладно, давай что-нибудь попроще. Париж? Рим? Дача? В конце концов, дача! У меня там рассада не полита!

Ничего. Темница стояла насмерть и никуда растворяться не собиралась. Я тяжело вздохнула и провела рукой по шикарным волосам, что шелковистыми каскадом спадали до талии. Красиво, конечно. Но как за ними ухаживать? Шампунь, бальзам, маски... У меня в прошлой жизни на это времени не было, а тут, судя по волосам, ухода требовался вагон и маленькая тележка.

— Эх, — сказала я в пустоту, — такая красота пропадает. Никто и не видит.

Резкая боль пронзила висок, и перед глазами вспыхнули незнакомые, яркие образы. Черета быстрых, смазанных, но пугающе реальных вспышек. Я увидела огромный зал с чёрными мраморными колоннами. Много женщин в дорогих нарядах. Их молодые лица были прекрасны, но искажены злобой. Я слышала обрывки разговоров, смех за спиной. Ощутила запах благовоний и пряностей. А потом увидела высокого мужчину с короткими тёмными волосами, мощными плечами и лицом, которое можно описать одним словом: опасный. Он стоял в окружении этих женщин, но смотрел только на меня. Вернее, на ту, чьими глазами я сейчас видела эти обрывки прошлого. На Малику.

Имя всплыло само собой. Её звали Малика. Рыжеволосая красавица, любимая наложница Тёмного Повелителя.

Та, которую боялись, которой завидовали и которую ненавидели. Я увидела — уже другими глазами, со стороны, — как другие наложницы собираются в одной из комнат гарема. Их было трое, и они шушукались, пряча в складках одежд какие-то свитки. Письма с печатями врагов Повелителя.

— Подбросим в её покои, — прошептала одна из них. — И охнуть не успеет, как окажется в темнице.

— Глупая рыжая тварь, — усмехнулась вторая. — Даже не поймёт, что случилось.

Третья ничего не сказала. Просто кивнула. Картинка сменилась. Теперь я увидела Малику — такую, какой она была до подставы. Она стояла перед зеркалом, любовалась своим отражением, поправляла волосы. Красивая, спору нет, но во взгляде ни ума, ни хитрости. Просто смазливая девица, которая привыкла получать всё за свою внешность. Она действительно даже не заметила, как в её покои подкинули злощастные письма. Слишком занята была собой.

Вспышка. Охрана. Крики. Её схватили, куда-то потащили, она визжала и вырывалась. Тёмный Повелитель смотрел на неё с ледяным презрением. Кажется, он что-то сказал, но слов я не разобрала — боль в висках пульсировала слишком сильно, заглушая звуки.

А потом сырая, холодная, безнадёжная темница. И приговор: завтра на рассвете казнь. Видения схлынули так же резко, как и начались. Я покачнулась, оперлась рукой о стену и несколько минут просто стояла, пытаюсь прийти в себя.

— Понятно, — сказала я наконец. — Просто замечательно. Значит, так: я в чужом теле, в чужом мире. В темнице. Меня подставили, и завтра меня казнят. И кажется, это не сон.

Знаете, что самое смешное? Мой бывший муж однажды сказал, что я доведу его до тюрьмы. Но чтобы до тюрьмы, да ещё и в другом мире, в теле рыжей красотки дойти самой...

Я хмыкнула. А потом хмыкнула ещё раз. А потом меня пробило на истерический смех.

— Анька! — хохотала я, держась за живот. — Вот это мы отметили твой развод!

Я смеялась до слёз. Потому что иначе оставалось только разрыдаться от ужаса. А я, как женщина, пережившая ипотеку, развод, свекровь-тирана и главного бухгалтера Ниночку с ангельской улыбкой и повадками гестаповца, — плакать отучилась давно. Проблемы надо решать.

Я вытерла слёзы (от смеха, не от страха), расправила плечи и прислушалась к себе. Тело молодое, сильное, здоровое. Никакого хруста в коленях, никакой одышки, никакого давления. Энергия так и бурлит внутри, как шампанское в бутылке на корпоративе. Это ресурс, и с этим можно работать.

— Ладно, Малика, — сказала я своему новому отражению (ближайшая лужа на полу вполне сошла за зеркало). — Ты была красавицей, но дурой. А я умная. Давай-ка объединять активы.

Лужа ничего не ответила, но отразила весьма обнадёжи-

вающую картину: зелёные глаза с хитрым прищуром, пухлые губы, изогнутые в усмешке, и копна огненных волос, которые даже в тусклом свете темницы выглядели как алое пламя. Я погрозила пальцем своему отражению:

— План такой. Во-первых, выжить. Во-вторых, найти тех куриц, которые подставили эту девочку. В-третьих... ну, разберёмся по ходу. Я бухгалтер, у меня всегда есть план Б, В и до буквы Ё включительно.

И тут за дверью послышались тяжёлые шаги. Металлический перезвон — кажется, доспехи или оружие, шли несколько человек. Засовы на двери лязгнули, и створка начала открываться. Я мгновенно выпрямилась. Отряхнула свою рваную одежду. Машинально поправила волосы, потому что женщина всегда остаётся женщиной, даже за пять минут до казни.

— Спектакль начинается, — шепнула я. — Выходи на сцену, Света. То есть... Малика. Чёрт, надо привыкать к новому имени. Ладно, разберёмся. Кто у нас тут?

Дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина из видений. Высокий брюнет, короткая стрижка, ни одного лишнего миллиметра. Мощная шея, квадратный подбородок, плечи как шкаф. Одет во всё чёрное, на поясе болтается меч. Смотрит исподлобья, взгляд тяжёлый, ничего хорошего не обещающий. Тёмный Повелитель Дариан. Явился собственной персоной.

— Ну здравствуй, Малика, — произнёс он низким голо-

сом. — Готова молить о пощаде?

Я окинула его оценивающим взглядом. Брутальный и вполне типичный качок. Морда каменная, но при этом красив, гад. Похож на фитнес-тренера. И он ждал, что я сейчас упаду на колени и буду рыдать. Вместо этого я спокойно поинтересовалась:

— А воды принести не судьба? У меня обезвоживание и голова болит.

Повелитель моргнул. Похоже, такой реакции от наложницы он не ожидал. А я тем временем массировала виски и думала, что первая глава моей новой жизни начинается интересно. Очень интересно.

Глава 2

Дариан стоял в дверном проёме, заполняя собой всё пространство. Высокий, плечистый, в чёрной коже, он напоминал скалу, которая зачем-то отрастила ноги и научилась хмурить брови. В тусклом свете факелов из коридора его лицо казалось высеченным из камня — острые скулы, тяжёлый подбородок, короткий ёжик тёмных волос. Красив, бес и опасен. Но я за свою жизнь повидала достаточно опасных мужчин. Мой бывший муж, например, был опасен ровно в двух ситуациях: когда заканчивалось пиво и когда я прятала его пульт от телевизора. Так что запугать меня каменной физиономией было сложно.

— Ну здравствуй, Малика, — произнёс он низким, с ленцой, голосом. — Готова молить о пощаде?

Он с наслаждением ждал, как кот перед миской сметаны. Наверняка привык, что провинившиеся наложницы рыдают, падают на колени, рвут на себе одежды и волосы. Но в его глазах промелькнул жар. Он всё ещё хочет Малику, ну, то есть меня. Я склонила голову набок и внимательно его изучила.

Короткая стрижка ему шла — никаких слюнявых эльфийских локонов. Мощная шея, широкие плечи. Мышцы перекачиваются под чёрной тканью, даже когда он просто дышит. Фитнес-тренер, честное слово. Только меч на поясе и аура

тмы намекают, что абонемент в этот зал мне не по карману. Вместо того чтобы падать на колени, я спокойно поинтересовалась:

— А воды принести не судьба? У меня обезвоживание и голова болит.

Дариан медленно моргнул. Он явно не привык, что наложницы просят воды. Обычно они просят о пощаде. Или о ещё чём-нибудь унижительном.

— Ты просишь *воды*? — уточнил он.

— А что, в этой темнице за неё доплачивают? — я подняла бровь.

Повелитель нахмурился. Сделал шаг в камеру. За ним в дверях маячили два стражника, которые ранее бряцали доспехами в коридоре. Они тоже не ожидали, что казнь задержится из-за обсуждения тарифов на воду.

— Ты изменилась, — сказал Дариан. Он не спрашивал, утверждал.

Я внутренне собралась. Вот он, первый опасный момент. Слишком резкая перемена в поведении вызовет подозрения, нужно играть тоньше. Не «я стала другой», а «ты просто меня не знал».

— Я провела ночь в темнице в ожидании казни, — сообщила я ровным тоном. — Знаешь, это здорово прочищает мозги. Рекомендую всем, кто запутался в жизни. Очень отвязывает.

— Ты предала меня, Малика. Почему? — он скривился,

тема была болезненной для него.

Он медленно обошёл меня по дуге, рассматривая как ди-ковинного зверька. Я старалась не напрягаться. Пусть смотрит, в конце концов, ему есть на что посмотреть. Тело Малики — настоящий шедевр, а рваное платье только добавляет... пикантности. Жаль, что я не успела причесаться. Хотя, судя по тому, как блестели мои рыжие волосы даже в этом подвале, Малика могла позволить себе и не причёсываться.

— Ты говоришь иначе, — процедил Дариан. — Дерзко. Раньше ты лепетала и хлопала ресницами.

— Раньше ты не бросал меня в темницу, — парировала я. — Знаешь, обстановка располагает к серьёзным разговорам. Плесень, сырость, никаких развлечений. Хочешь не хочешь, а задумаешься о жизни.

Он остановился прямо передо мной, очень близко. Я почувствовала его терпкий мужской запах с нотками металла и кожи. От него веяло силой и опасностью. Если бы я была прежней Маликой, у меня бы уже подкосились колени. Но я была Светой, которая видела, как её бывший муж рыдает над вылитой мной в раковину банкой пива. Порог страха у меня был сильно задрян.

— Ты предала меня, — повторил Дариан. — Письма с печатями врагов — железное доказательство. — Он снова пытался разубедить в происходящем самого себя.

Однако произнёс это лорд весомо, явно ожидая, что я сейчас начну оправдываться, путаться в словах, рыдать. Клас-

сический приём: задавить авторитетом и посмотреть на реакцию. Но я не собиралась оправдываться. Оправдывается тот, кто виноват.

— Письма, — повторила я за ним с задумчивым видом, обходя его фигуру по кругу. — Печати, доказательства — звучит внушительно. — Я подобралась к нему непростительно близко. — А ты не пробовал провести аудит?

— Что? — он снова моргнул. Кажется, слово «аудит» в лексиконе Тёмного Повелителя отсутствовало. Надо будет составить для него словарь.

— Независимую проверку, — пояснила я. — Без заинтересованных лиц. А то знаешь, как бывает: кто-то приносит «доказательства», а потом выясняется, что доказательства эти состряпаны на коленке за пять минут до обеда. Я двадцать лет в бухгалтерии проработала, — я поймала себя на слове и быстро исправилась: — В смысле, я много лет при дворе нахожусь. И знаю, как легко подделать любую бумажку.

Я сделала паузу, чтобы здоровяк мог уложить сказанное в свою каменную голову. Потом перешла в наступление:

— Повелитель, ты умён. — Я поднялась на носочки и заглянула ему прямо в глаза. — Неужели ты думаешь, что я, имея доступ к твоей сокровищнице, стала бы воровать какие-то жалкие бумажки? — Я позволила себе дотронуться рукой до его нагрудника.

Он чуть нахмурился — кажется, этот аргумент попал в

цель. Доступ к сокровищнице у Малики действительно был. Я видела это во флешбэках. Дурочка не пользовалась своим положением, но я-то умная.

— У тебя были драгоценности, — медленно произнёс он. — Золото, камни. Зачем тебе переписка с врагами?

— Вот именно, — я театрально развела руками. — Зачем? У меня всё было. Статус, внимание Повелителя, лучшие покои в гареме. Я была на вершине. А теперь задай себе вопрос: кому было выгодно убрать самую красивую и заметную наложницу с этой вершины?

Я намеренно сказала «самую красивую». Мужчины падки на подтверждение своего статуса через красоту спутницы, а Тёмные Повелители — тоже мужчины. Пусть думает, что я всё ещё немного та прежняя тщеславная Малика. Но только чуть-чуть.

Дариан долго смотрел на меня. Я чувствовала, как в его голове скрипят шестерёнки. Он действительно был умён по-своему — просто привык, что женщины в его окружении либо боятся его, либо пытаются соблазнить. А тут перед ним стояла наложница, которая спокойно рассуждала о мотивах преступления и почти требовала пересмотра дела.

— Ты хочешь сказать, что тебя подставил кто-то из гарема, — произнёс он наконец.

— Я хочу сказать, что меня использовали втёмную, — я чуть склонила голову, демонстрируя покорность, но глаза сверкнули дерзостью — такой контраст способен любого

мужчину свести с ума. — Как самую красивую и заметную мишень. Ты же знаешь, как у нас в гареме. Девушки готовы друг другу волосы выдрать за твой благосклонный взгляд. А тут я — фаворитка. Любимица. Конечно, меня захотели устранить. Но сделать это честно? Нет, слишком сложно. Проще подбросить улики. Дешёвый, но эффективный трюк. — Доказательства? — прищурился он.

— У тебя есть доказательства, кроме слов той бледной мымыры, что теперь спит в твоей спальне? — спросила я невинным тоном. — Нет? Тогда иди, мальчик. Когда будут факты — приходи, разберём.

Вот тут он замер и, кажется, по-настоящему обозлился. Мышцы на шее напряглись, желваки заходили. Он не привык, чтобы его называли «мальчиком». Он вообще не привык, чтобы с ним так разговаривали. Стражники за его спиной переглянулись и синхронно сделали полшага назад. Кажется, они знали, что бывает, когда Повелитель в ярости.

— Ты забываешься, наложница, — процедил он, и голос его прозвучал как раскат далёкого грома.

— Я не забываюсь, — ответила я спокойно, рассматривая тонкие пальцы в тусклом свете, льющемся из-за решётки. — Я просто больше не боюсь. Смертникам, знаешь ли, терять нечего, а мне уже вынесли приговор. Так что я могу говорить правду, и правда в том, что ты ошибся. Не на меня надо злиться, а на тех, кто за моей спиной плетёт интриги. Я просто мишень, в которую удобно кидать стрелы.

Я видела, как в его глазах мелькнуло неожиданное... сомнение? Интерес? Что-то среднее. Он привык, что женщины перед ним трепещут, а эта рыжая, которую он знал как пустоголовую куклу, внезапно заговорила как советник. И при этом не льстила, не заискивала, не пыталась залезть в постель.

— Допустим, — медленно произнёс он, — я поверю, что тебя подставили. Кому это было выгодно?

— А вот это уже правильный вопрос, — я улыбнулась уголками губ. — И я с удовольствием помогу тебе найти ответ. Но не из темницы. Здесь, знаешь ли, не очень комфортно для аналитической работы. Плесень отвлекает.

Дариан смотрел на меня ещё несколько долгих секунд. Я по глазам угадывала, как работает его мозг: эта женщина говорит разумные вещи, эта женщина не похожа на прежнюю Малику, эта женщина... интересна. Чертовски интересна. Наконец он вынес вердикт:

— Казнь откладывается до выяснения обстоятельств.

Я выдохнула. Внутренне, конечно. Внешне — ни мускул не дрогнул. Сорок семь лет жизни за плечами научили меня держать покерфейс, даже когда внутри всё ликует от радости.

— Ты останешься под стражей, — добавил он. — Но в своих покоях. Я хочу узнать, говоришь ли ты правду.

— Разумное решение, — кивнула я. — Кстати, насчёт воды...

Он развернулся и вышел. Стражники засуетились, загремели засовами. Но перед тем как дверь захлопнулась, Дариан бросил на меня последний взгляд через плечо. В этом взгляде было всё: раздражение, любопытство и толика былой страсти. Но помимо этого то, что я бы назвала «кого же я на самом деле держал в своём гареме?».

Дверь захлопнулась, и я осталась одна.

— Ну что ж, Света, — сказала я вслух. — Кажется, первый раунд за нами.

Я потянулась и с удовольствием отметила, что молодое тело слушается беспрекословно, красота. Потом мой взгляд упал на лужу на полу — моё импровизированное зеркало. Оттуда на меня смотрела рыжеволосая красавица с хитрой улыбкой и горящими зелёными глазами.

— Малика, — сказала я отражению, — ты была дурой, но я это исправлю, обещаю. А теперь давай подумаем, как нам выжить в гареме, когда туда вернётся «предательница». Эти куры нас с потрохами сожрут.

Отражение улыбнулось в ответ.

— Сожрут? — переспросила я сама у себя. — Ну уж нет. Это я их съем с гарниром и соусом.

Глава 3

Переход из темницы в покои фаворитки — это как пересесть из маршрутки в авто бизнес-класса. Ощущения примерно одинаковые: сперва не веришь, потом оглядываешься, не сон ли это, а потом решаешь пользоваться, пока дают.

Двое стражников провели меня через чёрный ход дворца. Видимо, чтобы не смущать обитателей гарема видом «предательницы, которую почему-то не казнили». По дороге я вертела головой, пытаюсь запомнить коридоры и выходы. Память Малики подбрасывала обрывки — вот здесь она пряталась от старшей наложницы, вот здесь тайком целовалась с Повелителем... Стоп, это лишнее. Хотя Дариан в моих флеш-бэках выглядел весьма увлечённым. Интересно, куда делась та страсть? Наверное, туда же, куда и мой первый муж после пяти лет брака: растворилась в быту и взаимных претензиях.

— Пришли, — буркнул один из стражей и толкнул высокую дверь из чёрного дерева с золотыми инкрустациями.

Я переступила порог и замерла. Эти покои тянули на президентский люкс. Огромная комната с высоким сводчатым потолком, стены обиты тёмно-бордовым шёлком, мягкие ковры под ногами, мебель из тёмного дерева с затейливой резьбой. Огромная кровать с пологом из полупрозрачной ткани, туалетный столик с зеркалом в полный рост, массивный шкаф. В углу — камин, сейчас не зажжённый. Из

окна лился мягкий свет, пахло сладкими благовониями.

— Ничего себе, — выдохнула я, забыв про прежние проблемы.

Стражник, кажется, ничего не заподозрил. Просто запер за мной дверь и остался снаружи. По-прежнему заперта, но теперь хотя бы с удобствами. Я медленно прошла по комнате, касаясь пальцами тканей и вещей. Тело Малики узнавало эти стены — в нём жила мышечная память о том, как она здесь ходила, лежала, одевалась. Полезно, пригодится. Первым делом я направилась к туалетному столику и уставилась в зеркало.

— Ну здравствуй, красотка, — сказала я отражению.

На меня смотрела молодая женщина, от которой действительно трудно отвести взгляд. Густые рыжие волосы, выющиеся, спадающие до талии живым огнём. Кожа светлая, почти фарфоровая, но с тёплым подтоном. Глаза зелёные, большие, с длинными ресницами. Губы пухлые, с чётким контуром. Фигура, которую я оценила ещё в темнице: тонкая талия, округлые бёдра, грудь, вызывающая желание немедленно купить роскошное бельё.

— Малика, — повторила я, пробуя имя на вкус. — А звучит ничего. Волнующе.

Отражение подмигнуло мне — это я свыкалась с новой привлекательной ролью. Я повернулась к огромному резному шкафу с тремя створками. Внутри оказались десятки платьев: шёлк, бархат, кружево, вышивка. Драгоценные камни

нашиты прямо на ткань. Отдельная секция — украшения: золото, серебро, изумруды, сапфиры. Камни, названий которых я даже не знала. Малика была не просто фавориткой — она была главной драгоценностью гарема, и Дариан явно не скупился на оправу.

— Так, ладно, — пробормотала я, перебирая наряды. — Шёлковое с декольте — оставить для допросов. Бархатное с разрезом до бедра — придержать для особых случаев. А вот это, — я вытащила простое, но элегантное платье глубокого изумрудного цвета, — подойдёт для сегодняшнего дня. Я же под домашним арестом, а не на балу.

Я умылась розовой водой из кувшина (благо, тут хотя бы об этом позаботились), расчесала волосы и заплела их в свободную косу. Потом переоделась и поймала себя на мысли, что мне... нравится. Нравится быть красивой, нравится чувствовать себя сильной и здоровой. В прошлой жизни я забыла, каково это — просыпаться без боли в спине и смотреть на себя в зеркало с удовольствием, а не с мыслью: «Надо бы записаться к косметологу, но некогда».

Покончив с водными процедурами, я подошла к окну. Вид на двор открывался потрясающий. Покои Малики находились в верхнем ярусе дворца, и окна выходили во внутренний сад. Огромный, с фонтанами, экзотическими растениями, мраморными дорожками. Внизу сновали служанки, проходили стражники, мелькали фигуры в дорогих нарядах — видимо, обитатели дворца. Где-то там, в этом лабиринте кра-

соты и интриг, прятались те, кто подставил меня. Вернее, Малику, но теперь это моя проблема. Я оперлась локтями на подоконник и начала анализировать. Я привыкла работать с данными: что у нас есть?

Факт первый: Малику подставили. Подбросили письма с печатями врагов. Сделали это свои — те, кто имел доступ в её покои и знал распорядок дня.

Факт второй: главная выгодополучательница — та, кто заняла место фаворитки после падения Малики. Я напрягла память, и услужливые флешбэки подбросили картинку. Кайлина. Высокая, стройная блондинка, с холодными голубыми глазами и острым, как нож, умом. В воспоминаниях Малики она всегда держалась чуть поодаль — с ленивой улыбкой, которая не предвещала ничего хорошего. Кайлина не была самой красивой в гареме — нет, самой красивой была как раз Малика. Но Кайлина была самой опасной. Она умела ждать, умела плести интриги и умело пользовалась тем, что окружающие считали Малику глупой куклой. Именно она теперь крутилась возле Дариана. Именно она заняла место фаворитки. Именно она получила всё, что потеряла Малика.

— Кайлина, — произнесла я вслух, пробуя имя. — Ну что ж, девочка. Ты умна и, чего скрывать, дьявольски красива. Но ты допустила одну ошибку: оставила меня в живых.

Рядом с Кайлиной в моих воспоминаниях всегда маячили две тени: Астремей и Ниила — две брюнетки, которых язык не поворачивался назвать подругами блондинки. Ско-

рее, свита. Астремей — высокая, худая как щепка, с вечно поджатыми губами. Ниила — пониже, более фигуристая, с томным взглядом. Они всегда держались позади Кайлины и смотрели на неё с той же смесью зависти и страха, с какой смотрели на саму Малику. Они делают вид, что подруги. Но я достаточно прожила в женских коллективах, чтобы знать: такие «подруги» перережут друг другу глотки при первой же возможности. Кайлина думает, что управляет ими, но на самом деле сидит на пороховой бочке. Если блондинка оступится — Астремей и Ниила сдадут её быстрее, чем я когда-то уволила спившегося курьера.

— Значит, нужно найти трещину в этой дружбе, — пробормотала я. — Но для начала собрать доказательства подставы. Именно этого требовал Дариан: фактов. И я уже знала, с кем нужно поговорить.

Память Малики снова пришла на помощь, подкинув образ: молодой тёмный эльф со светлыми волосами до плеч. Стройная, подтянутая фигура, приятный голос, спокойные, внимательные глаза. Ирман — советник Дариана. В прошлом Малика пересекалась с ним всего несколько раз, и их отношения можно было назвать «нейтральными». Он не пытался за ней ухаживать, она не пыталась его использовать. Просто вежливое сосуществование.

Но она запомнила его как умного и рассудительного господина. Именно такие люди и нужны, когда хочешь докопаться до правды. Соблазнением такого не возьмёшь, да я

и не планировала разбрасываться чарами направо и налево. С Ирманом нужно действовать иначе: не через флирт, а через разум. Я пристроилась у окна и принялась ждать. Внизу кипела жизнь: сновали слуги, проходили стражники, две наложницы в ярких нарядах о чём-то сплетничали у фонтана. Я провела у подоконника около часа, прежде чем заметила знакомую фигуру. Ирман.

Он шёл по дорожке сада медленно, погружённый в свои мысли. Светлые волосы — редкость среди тёмных эльфов — собраны в низкий хвост. Одет просто, но дорого: серебристый камзол, никаких лишних украшений. В руках — свиток, который он рассеянно перебирал пальцами. Даже со второго этажа было видно, что он молод, красив и явно никуда не спешит. Я глубоко вдохнула. Есть только один шанс. Если стражники сейчас меня заткнут — всё пропало.

— Советник Ирман! — позвала я, высунувшись из окна.

Он вздрогнул и поднял голову. На его красивом лице отразилось удивление. Ещё бы: бывшая фаворитка, которую все считали смертницей, окликает его из окна своих покоев.

— Леди Малика? — он прищурился. — Вы... в своих покоях?

— Как видите, — я позволила себе лёгкую улыбку. — Повелитель проявил милосердие и мудрость.

— Я слышал, казнь отложена, — Ирман говорил осторожно, явно не понимая, к чему этот разговор. — Рад, что вы живы.

— Я тоже рада. Но у меня к вам дело, советник. Не согласитесь ли подняться в мои покои? Это не займёт много времени.

Он колебался. Видимо, прикидывал, насколько это может быть опасно для его репутации. Посещение опальной наложницы — не лучшая запись в послужном списке. Но я расширила зелёные глаза и изобразила самую невинную мину из арсенала Малики.

— Прошу вас, — добавила я. — Это важно. И это касается безопасности Повелителя.

Последний довод сработал. Ирман кивнул и направился ко входу. Через несколько минут в дверь постучали.

— Войдите, — сказала я.

Ирман вошёл и остановился в нескольких шагах от двери. При свете свечей, горевших в моих покоях, он выглядел ещё интереснее: тонкие черты лица, умные серые глаза, аккуратные брови. От него пахло бумагами и какими-то сухими травами. Он явно чувствовал себя неуютно.

— Вы хотели поговорить, леди Малика, — сказал он. — Я слушаю.

— Присаживайтесь, прошу вас, — я указала на кресло у стола. — Разговор предстоит серьёзный.

Он сел, но остался напряжённым. Я опустилась в кресло напротив, сложила руки на коленях и посмотрела ему прямо в глаза.

— Ирман, — я сознательно опустила титул, чтобы сокра-

тить дистанцию. — Вы знаете, что меня обвинили в измене. В переписке с врагами Повелителя.

— Да, — он кивнул. — Письма с печатями. Мне докладывали.

— Эти письма — фальшивка, — сказала я ровным тоном. — Меня подставили, и я хочу это доказать. Вы — единственный при дворе, кого я могу попросить о помощи.

Ирман долго смотрел на меня. В его взгляде читалось сомнение пополам с любопытством. Он знал прежнюю Малику — пустоголовую красавицу, которая вряд ли смогла бы связать двух слов о политике. А теперь перед ним сидела женщина, которая говорила чётко, логично и с ледяным спокойствием.

— Допустим, — произнёс он. — Но почему я должен верить именно вам?

— Потому что я не прошу вас верить мне на слово, — я наклонилась вперёд. — Я прошу вас помочь мне провести независимую проверку этих писем. Как советник, вы должны быть заинтересованы в том, чтобы при дворе не орудовали заговорщики, плетущие интриги за спиной Повелителя. Если я виновна — вы ничего не теряете. Если я невиновна — вы помогаете вывести на чистую воду настоящих предателей. В любом случае, вы выигрываете. Разве нет?

Ирман молчал. Его пальцы выбивали дробь по подлокотнику. Наконец он поднял на меня глаза:

— Вы изменились, леди Малика.

— Я провела ночь в темнице в ожидании казни, — произнесла я ровно. — Это кого угодно изменит.

Он снова помолчал. Потом кивнул, медленно, но уверенно:

— Хорошо. Я достану письма из архива. Но учтите — если вы лжёте, я доложу Повелителю.

— Не сомневаюсь, — я улыбнулась. — Именно поэтому я и обратилась к вам, а не к кому-то из других советников. Вы честны, Ирман, и умны. А мне нужны союзники, а не лизоблюды.

Он поднялся. На мгновение задержал на мне взгляд, и что-то в его глазах изменилось. Настороженность отступила, осталось уважение пополам с любопытством.

— Я приду, как только что-нибудь узнаю, — сказал он. — Ждите.

И вышел. Я проводила его взглядом и только потом позволила себе выдохнуть. Теперь у меня намечен первый союзник. И первый шаг к тому, чтобы очистить имя Малики и показать этим гаремным курицам, кто здесь на самом деле хозяйка. А пока — ждать. И готовиться к следующей встрече с Дарианом. Потому что он явно не из тех мужчин, кто забывает дерзких женщин. Особенно тех, кто когда-то был в его постели. Да и по моим наблюдениям, некоторые чувства у него ещё остались. Иначе зачем откладывать казнь?

Глава 4

Утро встретило меня мягким солнечным светом из окна и запахом свежей выпечки. Служанка — молоденькая девушка с испуганными глазами, которую я смутно припомнила из флешбэков Малики, — принесла завтрак и, стараясь не встречаться со мной взглядом, поставила поднос на столик у камина.

— Боишься? — спросила я её.

Она вздрогнула.

— Госпожа... говорят, вы... э-э-э...

— Предательница? Шпионка? — я подошла к столику и взяла с подноса тёплую булочку, откусила. Божественно. В моём мире такая выпечка подавалась только в ресторанах. — Не бойся, я не кусаюсь. По крайней мере, до обеда. Напомни, как тебя зовут?

Служанка слабо улыбнулась и, кажется, немного расслабилась.

— Меня зовут Тильда, госпожа, — сказала она. — Я прислуживала вам... раньше.

— Вот и славно, Тильда, — я кивнула. — Будешь моими глазами и ушами. Кто что говорит, кто куда ходит, кто с кем шушукается — всё мне. Сможешь?

Она закивала с таким энтузиазмом, что я поняла: Малику, при всей её глупости, прислуга любила. Видимо, в отли-

чие от некоторых других обитательниц гарема, она хотя бы не избивала служанок и не швырялась в них туфлями. Уже плюс. Я как раз допивала местный аналог чая — травяной, терпкий, но приятный напиток, — когда в дверь негромко постучали. Тильда поспешила открыть и тут же отступила.

На пороге стоял Ирман. Сегодня он был одет в тёмно-зелёный камзол, а светлые волосы не собраны в хвост, а свободно лежали на плечах. В руках — несколько свитков, перевязанных кожаным шнурком. Выглядел он как человек, который не спал всю ночь, но оставался при этом подозрительно свежим. Молодость, магия или хорошая наследственность — что-то из этого определённо работало в его пользу.

— Леди Малика, — он коротко поклонился. — Я достал письма.

— Советник Ирман, — я поднялась навстречу и указала на кресла у камина. — Вы очень ответственны. Это приятно, присаживайтесь. Тильда, принеси ещё чаю.

Служанка исчезла за дверью, а Ирман опустился в кресло и разложил свитки на низком столике. Я села напротив и внимательно за ним наблюдала. Он был интересен мне не только как союзник. Этот молодой эльф с умными серыми глазами явно занимал особое положение при дворе. Дариан ценил его за ум — это я помнила из обрывков памяти Малики. Но что ещё? Почему красивый, неглупый, явно знатный мужчина до сих пор не женат? Может, ему не нравятся женщины? Или просто не встретил ту, которая зацепила бы

не только взгляд, но и разум?

— Вы пристально на меня смотрите, леди Малика, — заметил Ирман, не поднимая глаз от свитков.

— Я засмотрелась на вашу фамильную фибулу, — спокойно ответила я. — Хорошая работа, и сразу даёт понять, с кем собеседник имеет дело.

— И с кем же? — он поднял бровь.

— С человеком, чей род знатен и уважаем, но не кричаще богат. Значит, ценят при дворе вас за личные заслуги, — я махнула рукой. — Неважно. Что с письмами?

Ирман ещё секунду задержал на мне взгляд, потом развернул первый свиток. Пока он рассказывал — где хранились письма, кто имел к ним доступ, какие странности он заметил, — я незаметно его разглядывала. Он говорил чётко, как человек, привыкший к отчётам и докладам. Руки двигались сдержанно, без лишней жестикуляции. Когда замолкал, задумывался и тёр подбородок — у него была такая привычка, я заметила ещё в прошлый раз. А ещё он пару раз бросил на меня взгляды, которые я классифицировала как «исследовательские». Не раздевающие — обойдёмся без лишних драм. Но и не равнодушные. Я стала для него загадкой. Это чувствовалось по тому, как он чуть прищуривался, когда я отвечала не так, как он ожидал. Как задерживал дыхание, когда я задавала вопросы, которые прежняя Малика не додумалась бы задать. Он видел перед собой не ту глупую красавицу, которая раньше могла только вращать своими пустыми

глазами. Он видел женщину, которая говорила с ним на его языке, и ему это нравилось.

— Вы не похожи на себя прежнюю, — сказал он наконец, отрываясь от свитков.

Это был второй раз за наш разговор, когда он заговорил не о деле.

— Вы повторяетесь, советник, — я улыбнулась уголками губ.

— Потому что это поразительно, — он откинулся в кресле и потёр подбородок — вот он, его жест. — Я знаю вас... знал вас около трёх лет. И за все эти три года вы ни разу не задали вопроса, который требовал бы включения логики. А теперь вы за полчаса задали их мне штук пять. И все по делу.

— Три года — большой срок, — пожала я плечами. — Люди... и нелюди меняются.

— Меняются, — согласился он. — Но не настолько и не за одну ночь в темнице.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Между нами проскочила короткая, но осязаемая искра. Он точно не гей, но это не искра страсти. Это взаимное узнавание: два умных человека, которые внезапно обнаружили друг друга в мире интриг и фальши.

— Темница многое проясняет, Ирман, — сказала я тихо. — Когда стоишь на пороге смерти, вся шелуха слетает. Остаётся только правда. И я хочу узнать правду о том, кто меня подставил.

Он задумчиво кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда смотрите сюда.

Мы склонились над свитками. Ирман показал мне печати — восковые круги с оттиском герба. Я изучила их с пристрастием, достойным налогового инспектора при проверке годового отчёта.

— Видите? — он ткнул пальцем в угол печати. — Воск разный. Здесь и здесь — тёмный, почти чёрный. А здесь — светлее, с красноватым отливом.

— Разные партии, — кивнула я. — Первый — местный, я такой видела на приказах Повелителя (подсказал очередной флешбэк Малики). Второй — привозной. Это уже интересно.

— Именно, — Ирман явно не ожидал, что я разбираюсь в сортах воска. — А теперь посмотрите на оттиск.

Я пригляделась. Герб на двух печатях был одинаковым, но если всмотреться, крошечные детали различались. Где-то линия была чуть толще, где-то завиток уходил не в ту сторону. Грубая подделка, если знать, куда смотреть.

— Любительская работа, — откинувшись в кресле, прокомментировала я.

— Согласен, — Ирман кивнул. — Делали в спешке. И делали те, кто имел доступ к покоям, но не имел доступа к официальным печатям.

— Гарем, — безэмоционально сказала я.

— Гарем, — подтвердил он.

Мы переглянулись. На его губах промелькнула лёгкая улыбка. Он явно получал удовольствие от нашего взаимодействия. Я тоже, чего скрывать.

— Спасибо, Ирман, — я задумчиво погладила подлокотник кресла. — Вы мне очень помогли.

— Это ещё не всё, — он свернул свитки и протянул их мне. — Оставьте у себя, я сделал копии. А это — оригиналы, если понадобится предъявить Повелителю.

Я взяла свитки. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись. Ирман чуть задержал руку — ровно на секунду дольше, чем требовали приличия. Я сделала вид, что не заметила.

— Я найду позже, — сказал он, поднимаясь. — Нужно проверить ещё кое-что в архиве. И... леди Малика.

— Да?

— Будьте осторожны, — его серые глаза смотрели на меня серьёзно. — Тот, кто вас подставил, узнает, что вы вышли из темницы и начнёт действовать быстро.

— Я на это и рассчитываю, — я улыбнулась. — Пусть суетятся. Когда люди суетятся, они совершают ошибки.

Ирман задержал на мне долгий взгляд, потом коротко кивнул и вышел. Я проводила его глазами и задумалась. Такой мужчина и не женат. Почему? Может, действительно предпочитает общество книг обществу женщин? Или просто не нашёл ровню? Для такого ума, как у него, нужна женщина, с которой можно говорить. И кажется, он только что обнаружил, что такая женщина существует в теле его бывшей

знакомой-дурочки.

— Это может пригодиться, — пробормотала я. — Или создать проблемы. Как повезёт.

Я спрятала свитки в шкатулку и как раз успела закрыть крышку, когда в дверь снова настойчиво, без церемоний постучали.

— Войдите, — сказала я.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла Астремей. Сегодня она была одета в тёмно-бордовое платье с закрытым воротом — видимо, решила изобразить скромницу. Получилось так себе: взгляд у неё был цепкий, как у торговли на рынке, которая прикидывает, сколько можно слупить с покупателя за гнилой товар.

— Малика! — она всплеснула руками, и на её лице расцвела настолько фальшивая улыбка, что я чуть не рассмеялась. — Родная моя! Я так рада, что ты жива!

Я осталась в кресле. Вставать навстречу не собиралась. Астремей явно ждала, что я брошусь к ней с объятиями. Прежняя Малика, наверное, так бы и сделала. Но прежней Малики больше нет.

— Привет, Астремей, — сказала я спокойно. — Проходи.

Она чуть замешкалась — похоже, сценарий дал трещину уже на первой реплике. Но быстро оправилась и вплыла в комнату, оглядываясь по сторонам с видом оценщика. Её глаза задержались на шкатулке с драгоценностями, на шкафе с платьями. Зависть на секунду промелькнула во взгляде

и исчезла.

— Мы так волновались, — зашебетала она. — Когда тебя увели... это было ужасно. Кайлина места себе не находила.

Ага. Наверное, от радости плясала как ненормальная.

— Правда? — я изобразила удивление. — Как мило.

— Конечно!

— Астремей присела на краешек кресла, того самого, где только что сидел Ирман. — Мы все молились за тебя. А когда узнали, что казнь отложена... это чудо! Как тебе удалось?

Вот. Первая попытка прощупать почву.

— Повелитель мудр, — сказала я туманно. — И справедлив.

— Но... — Астремей подалась вперёд. — Что именно ты ему сказала? Как тебе удалось убедить его?

— А что, по-твоему, я могла ему сказать?

Астремей замаялась. Очевидно, она надеялась, что я выболтаю какие-то подробности. Но я не собиралась кормить гаремных сплетниц информацией.

— Я просто объяснила, что меня подставили, — сказала я небрежно. — Кто-то подбросил эти письма в мои покои, и Повелитель решил разобраться.

— Подставили? — Астремей сделала большие глаза. — Но кто?!

— Вот и я хочу это узнать, — я смотрела на неё в упор. — А ты, случайно, ничего не видела? Вы же с Ниилой и Кайлиной всегда в курсе всего.

Астремея быстро моргнула, явно не ожидая, что я прямо начну задавать такие вопросы.

— Я... нет, — она покачала головой. — Ничего необычного не замечала. Все были в шоке.

— Конечно, — я улыбнулась. — Всегда приятно, когда подруги рядом.

Я произнесла «подруги» с такой лёгкой иронией, что она не могла не заметить. Но придраться было не к чему — я не сказала ничего открыто враждебного. Просто обозначила границы. Я знаю себе цену и не ведусь на лесть. И я вижу тебя насквозь, дорогая Астремея. Повисла пауза.

— Ты изменилась, — сказала наконец Астремея. Уже без фальшивой слащавости. Скорее, с подозрением.

— Все меняются, — я пожала плечами. — Особенно после ночи в темнице. Рекомендую попробовать.

Она не нашлась с ответом. Её глаза бегали по комнате — она явно пыталась найти ещё какой-нибудь предлог для разговора, но я её опередила.

— Прости, Астремея, — я поднялась. — Рада была тебя видеть, но мне нужно отдохнуть. Приговорённые к казни плохо спят, знаешь ли.

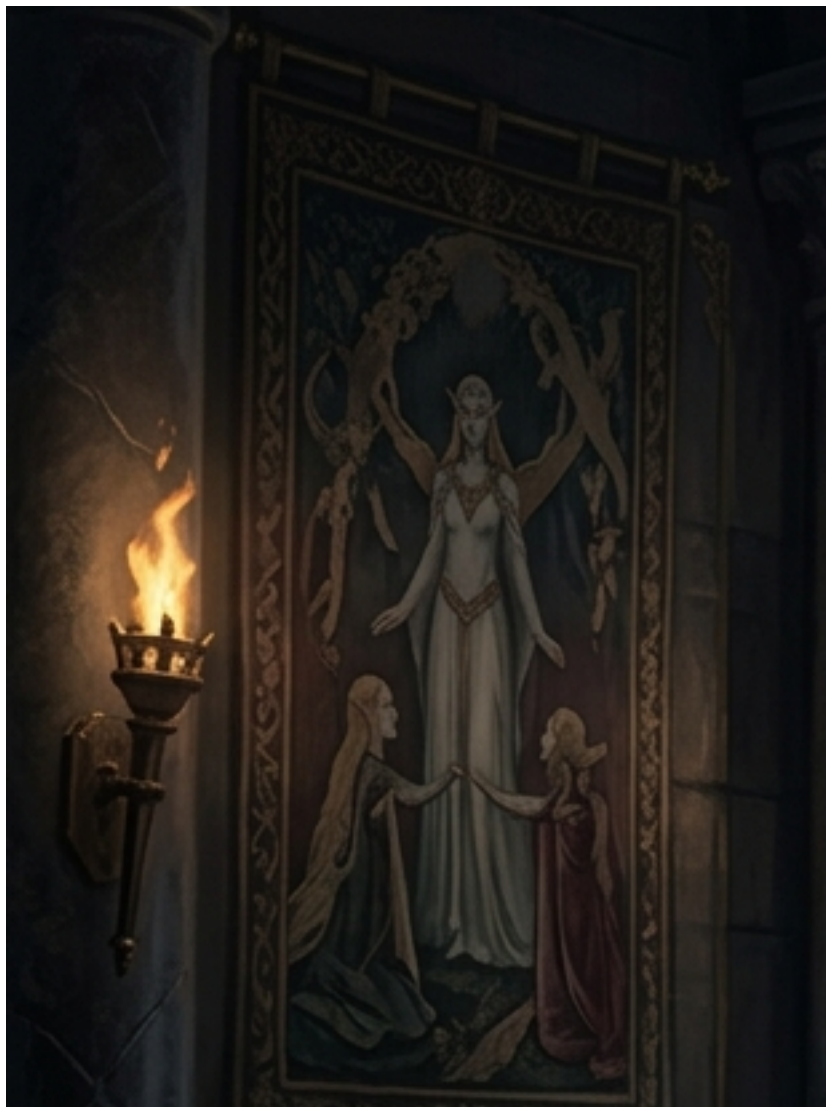
— Ты же... тебя же оправдают? — растерянно спросила она.

— Надеюсь, — я улыбнулась. — Если настоящие предатели не предпримут что-то ещё. — И многозначительно посмотрела на неё.

Астремея буквально побледнела. Даже сквозь смуглую эльфийскую кожу было заметно, как кровь отлила от лица. Она пробормотала что-то на прощание и выскользнула за дверь. Я выдохнула и снова опустилась в кресло. Первый раунд с гаремной оппозицией окончен. Астремея побежит докладывать Кайлине, и Кайлина поймёт: прежней Малики больше нет. Зато есть серьёзная проблема.

— Отлично, — сказала я вслух. — Пусть нервничают. Нервничающий враг ошибается, а ошибающийся враг — уже наполовину побеждён.

Я взяла с подноса вторую булочку и с аппетитом откусила. В конце концов, в моём новом теле можно было позволить себе лишнюю выпечку. Молодой метаболизм, чтоб его. Одно из лучших преимуществ этого попаданства.

Глава 5

После ухода Астремеи я успела выпить ещё одну чашку травяного чая, доесть вторую булочку и даже начать подумывать о третьей, когда в дверь снова постучали. На этот раз — коротко, по-деловому.

— Войдите, — сказала я, ожидая увидеть вернувшегося Ирмана или, может быть, саму Кайлину, решившую нанести визит после доклада подруги.

Но на пороге стоял молодой высокий, подтянутый слуга в тёмно-серой ливрее, с каменным выражением лица, какое бывает у людей, разносящих важные послания и не желающих нести ответственность за их содержание.

— Леди Малика, — он поклонился. — Повелитель Дариан ожидает вас в своих покоях. Он просил передать, что советник Ирман принёс некие свитки, и Повелитель желает, чтобы вы принесли свои, дабы взглянуть на печати.

Я чуть не поперхнулась чаем. Ах, как интересно. Значит, Ирман уже передал находки Дариану, и он вместо того чтобы просто прочитывать отчёт, зовёт меня в свои покои. Якобы «взглянуть на печати». Я прожила на свете сорок семь лет, из которых пятнадцать — в браке с мужчиной, который тоже начинал с невинных «зайди на минутку, посмотри, что тут у меня в телефоне». Я знала, что означает приглашение в личные покои от бывшего любовника, который ещё вчера

смотрел на тебя с плохо скрываемым голодом.

— Передай Повелителю, что я скоро буду, — сказала я, сохраняя невозмутимость.

Слуга поклонился и исчез. А я встала, подошла к шкафу и распахнула все три створки разом.

— Так, Света, — сказала я своему отражению в зеркале, — включаем режим «роковая женщина».

Тильда возникла рядом как по волшебству. Видимо, служанка почувствовала, что хозяйке нужна помощь, потому что кинулась ко мне, как солдат по тревоге.

— Госпожа желает одеться для Повелителя?

— Именно, — я провела рукой по ряду платьев. — Что тут у нас есть... такого, от чего у Тёмного Повелителя случится остановка дыхания?

Тильда хихикнула и тут же прикрыла рот рукой, испугавшись собственной дерзости. Но я улыбнулась ей в зеркало, и она расслабилась.

— Вот это, госпожа, — она указала на платье, которое висело в самом дальнем углу, словно его боялись носить. — Вы надевали его всего один раз. Повелитель тогда... э-э-э... был очень доволен.

Я сняла платье и оценила: глубокий изумрудный цвет, как мои глаза, ткань — струящийся шёлк, который переливался при малейшем движении, декольте — достаточно глубокое, чтобы заставить мужчину забыть, о чём он собирался говорить, но достаточно скромное, чтобы не выглядеть вульгар-

но. Разрез на юбке доходил до середины бедра, открывая ногу при ходьбе. Никаких кричащих украшений — платье само по себе было украшением.

— То, что нужно, — сказала я. — Помоги-ка мне с волосами и заодно Расскажи мне кое-что.

Я села перед зеркалом, и Тильда принялась колдовать над моей гривой. Её пальцы привычно укладывали непослушные пряди в сложную причёску.

— Что ты знаешь о советнике Ирмане? — спросила я небрежным тоном.

— О советнике? — Тильда на мгновение замерла. — Он... уважаемый господин. Служит Повелителю много лет. Говорят, он самый умный из всех советников.

— А что говорят о его личной жизни?

Тильда понимающе хмыкнула. Видимо, служанки в гареме знали всё и обо всех.

— Говорят, — она понизила голос, — что у него бывают... короткие интрижки. Но ни одну девушку он не объявлял невестой и к алтарю никого не вёл. Некоторые даже сплетничают, что он вообще не собирается жениться.

— Вот как, — я задумчиво посмотрела на своё отражение.

Короткие интрижки. Значит, всё-таки интересуется женщинами, но не настолько, чтобы связывать себя узами. Что ж, это объясняет его осторожность со мной. Он не боится женщин — он просто не встретил ту, ради которой готов отказаться от холостяцкой свободы. Я поймала себя на мыс-

ли, что прокручиваю в голове этот факт дольше, чем нужно. Ирман интересен мне не только как союзник и человек, но и как мужчина, который смотрит на меня не с похотью, а с любопытством исследователя. Это...Необычно.

— Госпожа? — Тильда закончила причёску и ждала оценки.

Я встряхнула головой, отгоняя лишние мысли. Сейчас не время для рефлексии. Сначала — Повелитель. Причёска вышла великолепной. Тильда уложила мои волосы мягкими волнами, собрав часть прядей на затылке и оставив несколько локонов свободно спадать на плечи и спину. Я выглядела как королева, но не та, что сидит на троне с каменным лицом, а та, что вот-вот этот трон захватит.

— Ты волшебница, Тильда, — сказала я искренне.

Служанка просияла. Я нанесла на губы лёгкий блеск — местный аналог помады с ароматом каких-то ягод, — поправила платье и критически оглядела себя с ног до головы. Из зеркала на меня смотрела женщина, от которой невозможно отвести взгляд. Волосы блестели, глаза горели, платье струилось и переливалось. Молодое тело Малики было самым совершенством, а ум и жизненный опыт Светланы добавляли взгляду ту глубину, которой прежней Малике так не хватало.

— Я готова, — сказала я. — Кстати, а где моя охрана?

Тильда смущённо кашлянула.

— Повелитель велел снять стражу с ваших дверей, госпожа. Вы больше не под арестом.

Вот как, значит, уже не арестована. Свитки Ирмана сделали своё дело. Дариан достаточно умён, чтобы понять: держать меня под замком после таких доказательств — значит признать, что он сомневается в слове советника. А он не допустит слухов об их взаимоотношениях. Я выплыла из своих покоев и направилась по коридору. Без стражи за спиной идти было непривычно. Я чувствовала себя практически свободной. Практически — потому что в гареме всё равно оставались те, кто желал мне смерти, но об этом я подумаю позже. Дворец был великолепен: высокие своды, чёрный мрамор с золотыми прожилками, магические светильники, палящие под потолком. Попадавшиеся навстречу слуги кланялись, а стражники провожали меня взглядами, в которых читалось всё что угодно — от удивления до откровенного восхищения. Ещё бы: вчерашняя смертница идёт по дворцу как хозяйка.

Покои Повелителя находились на верхнем ярусе, и путь туда лежал через длинную галерею с окнами в сад. У одного из окон стояли две фигуры, и я узнала их раньше, чем они заметили меня. Кайлина и рядом с ней — Ниила. Блондинка была одета в серебристое платье и выглядела, как всегда, безупречно. Но когда её взгляд упал на меня, безупречность дала трещину. Глаза комично расширились. Она явно не ожидала увидеть меня здесь, в коридоре, идущую без охраны в шикарном платье с укладкой на голове.

— Малика? — её голос прозвучал спокойно, но я услы-

шала в нём напряжение. — Тебя... выпустили?

— Добрый день, Кайлина, — я улыбнулась так же холодно и безупречно, как она сама. — Как видишь, я больше не под арестом. Повелитель пригласил меня в свои покои. Прости, не могу задерживаться.

Я произнесла «пригласил в свои покои» с той же интонацией, с какой женщина говорит: «Мы с ним обсуждаем важные дела наедине, не то что некоторые тут сплетничают у окон».

Лицо Кайлины закаменело. Ниила за её спиной переступила с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Вот как, — Кайлина справилась с собой быстрее, чем я ожидала. — Что ж, удачи. Надеюсь, твоё общество украсит вечер господина.

— Всегда украшало, — я прошла мимо, даже не обернувшись.

За спиной я чувствовала их взгляды — один ледяной, второй испуганный. Кайлина получила сразу несколько ударов: мало того, что меня выпустили, так ещё и позвали в личные покои. А это означало, что её положение фаворитки снова под вопросом. Пусть переваривает.

Я подошла к дверям покоев Повелителя. Двое стражников, стоявших по бокам, переглянулись и без единого слова распахнули передо мной створки. Я сделала шаг внутрь. Покои Дариана были под стать их хозяину — огромные, тёмные, величественные. Чёрные стены, массивная мебель, ка-

мин, в котором пылал огонь, несмотря на день. Повелитель стоял у стола, склонившись над разложенными свитками. Ирман сидел в кресле напротив, и когда я вошла, он поднял голову.

Его взгляд скользнул по мне мимолётно, буквально доля секунды, но я заметила, как его пальцы чуть сильнее сжали подлокотник, а в серых глазах мелькнуло то, чего раньше не было. Восхищение, смешанное с лёгкой растерянностью, словно он только что осознал: его новый интеллектуальный союзник — ещё и самая красивая женщина, которую он когда-либо видел.

Дариан тоже поднял голову. И вот на его реакцию я смотрела с особым удовольствием. Его взгляд медленно прошёлся по моему платью, по волосам, по лицу, и я буквально видела, как в голове Тёмного Повелителя рушатся все его планы на этот вечер. Он звал меня сюда под предлогом «посмотреть на печати», но сейчас было очевидно: ни о каких печатях он уже не думает.

— Малика, — произнёс он низким голосом. — Ты... пунктуальна.

— Я ответственная, — я улыбнулась краешком губ и прошла к столу. — Вы хотели посмотреть свитки? Вот они. — Я элегантно расправила на столе доказательства Ирмана.

Ирман, надо отдать ему должное, справился с собой быстрее Повелителя. Он кашлянул и указал на разложенные бумаги:

— Вот, Повелитель. Печати. Теперь осталось найти тех, кто подделал письма.

Дариан продолжал смотреть на меня. Его руки сжались в кулаки на столе. Он явно боролся с желанием забыть обо всех этих бумажках и заняться чем-то более... увлекательным прямо сейчас.

— Старшая по гарему уже получила приказ, — сказал он наконец. — Я велел ей найти виновных.

— Прекрасно, — я наклонилась над свитками, делая вид, что изучаю печати. — Значит, правда скоро выйдет наружу.

Я чувствовала на себе взгляд Дариана. И взгляд Ирмана. Один — жадный, собственнический. Второй — удивлённый, заинтригованный. Я стояла между двумя мужчинами, один из которых был моим прошлым, а второй — возможно, будущим. И оба сейчас смотрели на меня так, словно видели впервые.

— Что ж, — я выпрямилась и посмотрела Дариану прямо в глаза, — если это всё, что вы хотели мне показать, Повелитель, я могу идти.

— Нет, — сказал он слишком быстро. — То есть... останься. Выпьешь со мной вина?

Я позволила себе лёгкую улыбку. Игра началась и в этой игре у меня были все козыри.

— Хорошо, — сказала я. — Но только один бокал.

Ирман поднялся.

— Я, пожалуй, откланяюсь, — сказал он ровным тоном.

— Дела архива не ждут.

Но перед тем как выйти, он задержал на мне взгляд. И в этом взгляде был не просто интерес. Ревность? Он увидел меня не как союзника, он увидел меня как женщину. И это меняло всё. Дверь за ним закрылась. Мы с Дарианом остались одни. Он налил два бокала тёмного вина, протянул один мне. Его пальцы коснулись моих, и по телу пробежала горячая волна — тело Малики помнило эти прикосновения. Очень хорошо помнило.

— Ты совсем другая, — сказал он.

— Ты повторяешься, Повелитель, — я улыбнулась и сделала глоток. Вино было терпким и сладким одновременно.

Он не сводил с меня глаз. Между нами висело напряжение, осязаемое и горячее. И я понимала: то, что началось в темнице с дерзкого разговора, сейчас перерастало в нечто большее. Дариан хотел меня. Сильнее, чем когда-либо. Но теперь он хотел не просто Малику — красивую куклу. Он хотел меня — женщину, которая говорила с ним на равных, спорила, дерзила и при этом улыбалась так, что у него сносило крышу.

— За правду, — сказала я и подняла бокал.

— За тебя, — ответил он.

И я поняла: второй раунд тоже за мной.

Глава 6

Дверь за Ирманом закрылась, и я осталась наедине с Тёмным Повелителем. Дариан стоял у стола, поигрывая бокалом в пальцах, и смотрел на меня. В камине потрескивал огонь, отбрасывая на стены пляшущие тени. Пахло деревом, кожей и чем-то терпким — то ли вином, то ли его собственным запахом, который я помнила телом Малики.

— Присядь, — предложил он мягко. Что ж, прогресс.

Я опустилась в кресло напротив, закинув ногу на ногу так, чтобы разрез на платье оказался ровно там, где нужно. Дариан проследил за этим движением голодным взглядом и сделал глоток.

— Ты смотришь на меня иначе, — заметил он.

— Ты тоже, — ответила я.

Он хмыкнул. Мышцы на шее напряглись, и я поймала себя на том, что разглядываю его с чисто женским любопытством. Дариан был... внушительным. Широкие плечи, мощные руки, короткий ёжик тёмных волос, который так выгодно подчёркивал его жёсткие черты лица. Он не был красив в классическом смысле — слишком брутален, слишком суров. Но от него исходила такая животная, самцовая энергия, что у любой женщины подкосились бы колени. У прежней Малики — подкашивались, я помнила это. Помнила её жаркие ночи с Повелителем, и тело против воли отзывалось жаром

на эти воспоминания.

Но я была не только Маликой. Я была Светланой, и мне нужно было принять решение за обеих.

Отказать ему? Прямо сейчас, когда он смотрит на меня как голодный зверь? Проблема в том, что я официально всё ещё считаюсь его наложницей. Отказ может выглядеть подозрительно или, чего хуже, оскорбительно. А мне нужен Дариан на моей стороне — как минимум до тех пор, пока не найдут настоящих предательниц. С другой стороны — можно соорудить оскорблённую невинность. «Ты бросил меня в темницу, а теперь тащишь в постель? Пострадай, мальчик». Пусть немного поизвиняется. Пусть поймёт, что я — не вещь, которую можно выбросить и снова подобрать.

Но был ещё Ирман. Если я хочу попробовать охмурить советника — а я, кажется, хочу, — то возвращаться в статус фаворитки невыгодно. Ирман слишком горд и осторожен, чтобы делить женщину с Повелителем. Он и так смотрел на меня сегодня с этой своей растерянной ревностью. Стоит мне снова оказаться в постели Дариана на постоянной основе — и советник закроется, станет просто союзником, умным собеседником. А я ведь хочу большего. Хочу посмотреть, что скрывается за этой его сдержанностью.

Но изменять Повелителю... нельзя. Это я понимала чётко. В гареме за такое казнят без разговоров. Значит, надо сначала выйти из статуса наложницы официально. А для этого нужно, чтобы Дариан сам этого захотел. Парадокс, но ино-

гда лучший способ заставить мужчину тебя отпустить — это дать ему то, что он хочет. А потом отстраниться. Сделать так, чтобы он понял: это было не «ты меня взял», а «я тебе позволила».

Я посмотрела на Дариана поверх бокала. Оценила, как перекатываются мышцы под тканью его чёрного камзола. Тело Малики помнило эти руки. Помнило жаркие ночи в этих покоях — на этой огромной, с пологом из тёмного бархата кровати. Воспоминания были яркими, пряными, и внизу живота уже разливалось тепло.

Светлана, которая давным-давно забыла, что такое настоящая мужская ласка, с любопытством прислушивалась к этим ощущениям. Каково это — быть с дроу? С мужчиной, который буквально создан для войны и страсти? Наверняка не так, как с человеком. У людей всё проще, быстрее, суетливее. А у Тёмного Повелителя, судя по флешбэкам Малики, выносливость была выдающейся. Я допила бокал залпом. Вино приятно, расслабляюще ударило в голову. И я приняла решение. Какого чёрта? Мне дали молодое тело, горячую кровь и мужчину, который смотрит на меня так, словно я — единственная женщина во всём мире. В конце концов, Светлана заслужила немного удовольствия. А политику можно и завтра обсудить.

Я медленно, плавно поднялась, чувствуя, как струится шёлк по упругим бёдрам. Дариан замер с бокалом в руке, не понимая, что я задумала. А я сделала два шага — и села ему

на колени. Он дёрнулся от неожиданности. На его лице промелькнуло что-то среднее между шоком и восторгом. Наверное, ни одна наложница за всю историю гарема не позволяла себе такой вольности. Но я была не какой-то там наложницей, я была женщиной, которая знает, чего хочет.

— Малика, — его голос прозвучал предупреждающе, но я уже заметила, как его рука легла на моё бедро.

— Ты звал меня сюда смотреть на свитки, — я провела пальцами по его плечу. — Мы посмотрели. Теперь давай посмотрим на что-нибудь более интересное.

Его ладонь на моём бедре сильно, властно сжалась. Пальцы Дариана впились в кожу сквозь шёлк, и по телу пробежала дрожь от предвкушения.

— Ты стала дерзкой, — прорычал он, и в его голосе слышалось не только раздражение, но и восхищение.

— Тебе нравится, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Он не стал спорить, вместо этого он рывком притянул меня ближе и впился в мои губы своими. Жадно, сильно, без предварительных нежностей. У Тёмного Повелителя не было времени на прелюдии? Ну что ж, я не против. Тело Малики ответило мгновенно — по венам побежал жидкий огонь, сердце забилось быстрее, дыхание перехватило.

Его руки не оставались без дела. Одна всё ещё сжимала моё бедро, вторая легла на спину и заставила подняться вверх, выгнуться. Он целовал меня так, словно хотел наказать за каждую дерзкую фразу, брошенную в темнице. И на-

казание это было ну очень сладким. Я схватила его за жидистую шею сзади и подалась навстречу. Платье заскользило вверх, освобождая бёдра, и я почувствовала, как его горячая, властная ладонь скользнула под шёлк, касаясь обнажённой кожи.

— Ты даже не представляешь, что я хотел с тобой сделать, когда ты назвала меня мальчиком, — прошептал он мне на ухо, и от его дыхания по коже побежали мурашки.

— Представляю, — выдохнула я. — Поэтому и назвала.

Он издал низкий смешок и подхватил меня на руки. Без усилий, словно я ничего не весила. Я обхватила его плечи, чувствуя, как перекачиваются мышцы под моими пальцами. Кровать была близко, и когда он опустил меня на бархатное покрывало, я поняла, что все политические расчёты подождут до завтра. Сегодняшняя ночь принадлежала мне. Мне и тому ощущению, как тело Малики поёт под руками Тёмного Повелителя. Дариан навис надо мной, его глаза в свете камина казались угольно-чёрными. Он смотрел на меня так, словно хотел запомнить каждую деталь этой встречи. А потом его пальцы нашли застёжку платья — и дальше мы оба потонули в жаре, движении и тёмном бархате ночи.

Я открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в незнакомый высокий, сводчатый, с тёмными балками, на которых плясали отблески утреннего солнца, потолок. Я сладко потянулась — и замерла от неожиданности. Тело отозвалось приятной, тягучей усталостью. Той, какую испытыва-

ешь после хорошей, долгой ночи. Не после бессонницы с детьми, не после аврала на работе, не после «давай побыстрее, у меня завтра совещание». А после настоящего, качественного секса, когда ты забываешь, как тебя зовут, и вспоминаешь только к утру.

— Ничего себе, — пробормотала я вслух. — Светлана, ты... как бы сказать... отлично провела ночь.

Я села на кровати и огляделась. Покои Повелителя при дневном свете выглядели менее угрожающе, более обжитыми. Огромная кровать с бархатным пологом, массивная мебель, камин, в котором уже догорали последние угли. Стул, на котором вчера сидел Ирман. Стол, на котором мы сравнивали печати. Воспоминание об Ирмани кольнуло где-то на периферии сознания, но я отмахнулась. Утро — не время для угрызений совести. Тем более что я ни о чём не жалела.

Дариана в покоях не было. Видимо, у Тёмного Повелителя были дела поважнее, чем дожидаться пробуждения наложницы. Что ж, тем лучше, не люблю неловкие разговоры по утрам. У меня за жизнь их было достаточно. Я встала и накинула на себя шёлковый халат, заботливо оставленный на спинке кресла. Кажется, Дариан всё-таки не совсем лишён такта. Или это слуги постарались. Но хотелось думать, что это всё-таки его маленький, но приятный жест.

Я подошла к окну и выглянула в сад. Внизу уже кипела дворцовая жизнь — слуги сновали туда-сюда, стражники сменялись с поста, две наложницы в светлых платьях прогу-

ливались у фонтана. Одна из них, кажется, Ниила. Интересно, они уже знают, где я провела эту ночь? Скорее всего. В гареме новости разносятся быстрее, чем простуда в детском саду.

Я вернулась к кровати и упала обратно на подушки. Позволила себе ещё минуту блаженства. Тело гудело от приятной усталости, мысли текли лениво, блаженно. Я поймала себя на ощущении: я чувствовала себя хорошо. Просто хорошо, без тревоги, без страха, без внутреннего монолога на тему «что теперь будет, что он подумает, как теперь жить». Ничего этого не было.

Была только я — зрелая женщина, которая только что получила удовольствие и не собиралась за это извиняться. Будь я моложе — ох, что бы со мной творилось. Я бы уже накрутила себя до нервного срыва: «Он меня любит? Не любит? Позовёт ещё раз? А что если не позовёт? А что если позовёт, но не так, как раньше? А что скажут соперницы? А что теперь со статусом? А вдруг он меня бросит, а мне уже двадцать четыре, я старая...»

Я усмехнулась. Двадцать четыре — старая. Боже, какой же ерундой забита голова в молодости. Сейчас, с высоты моих настоящих сорока семи, всё это казалось смешным. Я уже проходила этот цирк и с мужем, и с парой-тройкой бойфрендов после развода. Каждый раз — бесконечный анализ, додумывание, попытки понять, «а что у нас за отношения». А потом, когда дети выросли и ипотека закрылась, я вдруг об-

наружила, что можно просто жить и получать удовольствие. Вот и сейчас я жила в теле молодой красавицы, после ночи с потрясающим мужчиной, в роскошных покоех. О чём беспокоиться? Соперницы? Да пусть хоть весь гарем выстроится в очередь — мне плевать. Я не собираюсь бороться за место фаворитки, не собираюсь выпрашивать статус, подарки и обещания. У меня другие планы. Я наконец поднялась, привела себя в порядок — благо, в покоех Повелителя нашёлся кувшин с водой и приятные благовония, — и выскользнула за дверь.

Обратный путь через дворец был ещё более триумфальным, чем вчерашний. Наверное, я шла с таким видом, с каким женщина возвращается домой после удачного свидания: лёгкая походка, довольная улыбка, которую невозможно скрыть. Встречные слуги кланялись, стражники отводили глаза, но я замечала их быстрые взгляды, и мне было всё равно.

Я вошла в свои покои — и застыла на пороге: комната утопала в цветах. Огромные корзины стояли повсюду — у кровати, у камина, на туалетном столике. Букеты были составлены с королевским размахом: тёмно-красные розы, которые в этом мире наверняка назывались как-то иначе, белые цветы, похожие на лилии, и ещё какие-то экзотические бутоны, названий которых я не знала. Их аромат смешивался с запахом благовоний и создавал ощущение, что я попала в райский сад.

— Это... что? — спросила я, обводя взглядом это велико-
лепие.

Тильда стояла посреди комнаты с таким лицом, словно сама была готова расплакаться от восторга.

— Это от Повелителя, госпожа! — выпалила она. — Слуги принесли на рассвете. Сказали, что это в знак благодарности! И ещё сказали, что обвинения с вас полностью сняты. И цветы от советника Ирмана тоже прибыли! Вон та корзина, у окна, с белыми розами!

Я проследила за её взглядом. Действительно — у окна стояла корзина менее грандиозных размеров, но куда более изысканная. Ирман выбрал не кричащую роскошь, а элегантную сдержанность, и именно это говорило о нём больше, чем любые слова. Он не пытался соревноваться с Повелителем, он выразил уважение, но не более. Или...

— Ну что ж, — сказала я и прошла в комнату, осторожно касаясь лепестков на ходу. — Кажется, я произвела впечатление.

— О да, госпожа! — Тильда сияла. — Весь дворец только о вас и говорит! Вы снова в центре внимания!

— Тильда, — я повернулась к ней и улыбнулась. — Я и не уходила из центра. Просто ненадолго отвлеклась на темницу.

— Но как же... — служанка замялась. — Что теперь будет? Вы... вернётесь в статус фаворитки?

— Нет, — сказала я, и Тильда удивлённо моргнула. — Я не собираюсь возвращаться к тому, что было, я собираюсь

создать нечто новое. Но это потом. А пока... — я взяла с подноса пирожное, которое служанка, видимо, принесла к завтраку. — Давай-ка завтракать. После такой ночи надо восстанавливать силы.

Тильда хихикнула и бросилась накрывать на стол. А я подошла к окну и выглянула в сад, вдыхая аромат цветов и чувствуя, как настроение становится ещё лучше. Где-то там, внизу, Кайлина наверняка уже рвёт и мечет от злости. Где-то в архиве Ирман перебирает свитки и делает вид, что не думает обо мне. А где-то в тронном зале Дариан сидит с каменным лицом и пытается сосредоточиться на государственных делах, но мысли его раз за разом возвращаются к этой ночи.

Глава 7

Увы, жизнь гарема не ограничивалась цветами и приятной усталостью после бурной ночи. Тильда, подав завтрак, деликатно напомнила, что сегодня день общих занятий. Все наложницы обязаны присутствовать. Старшая по гарему, госпожа Морвейн, не терпела прогулов даже у фавориток.

— Хорошо, — вздохнула я, отставляя чашку с травяным чаем. — Раз надо — значит, надо. Что там у нас по расписанию? Вышивание крестиком? Борьба за внимание Повелителя? Интриги?

Тильда тихо приснула. Кажется, она уже привыкла к моему тону и находила его не шокирующим, а забавным.

— Сегодня, кажется, распределение дворовых дел, госпожа. Ничего особенного.

— Скучно, — прокомментировала я и отправилась одеваться.

Я выбрала платье глубокого синего цвета — достаточно скромное для дневных занятий, но с вышивкой серебром, которая напоминала о моём статусе. Не фаворитка, но и не рядовая наложница.

Общий зал гарема находился в другом крыле дворца. Я увидела вытянутое помещение с высокими окнами, выходящими в сад. Вдоль одной стены тянулись альковы — углубления с кроватями, задрапированные полупрозрачными тка-

нями. Личные пространства девушек. Их украшали по-разному: где-то висели яркие платки, где-то — засушенные цветы, где-то — рисунки. По этим альковым можно было читать характеры их обитательниц, как по страницам книги. Вдоль другой стены располагалось пространство для досуга: низкие столики для местного аналога шахмат (фигуры, кажется, назывались «стражи» и «тени»), ряды шкафов с одеждой, зона для рукоделия с пяльцами и мотками цветных нитей. В углу стояла арфа, на которой молоденькая эльфийка лениво перебирала струны, разучивая мелодию.

Я насчитала пятнадцать девушек, не считая себя и, надо полагать, Кайлины, которая ещё не явилась. Значит, всего семнадцать наложниц. Я огляделась внимательнее и заметила то, что раньше ускользало от меня в обрывках памяти Малики. Все девушки были разными. Чистых дроу среди них не было вообще — кроме Кайлины. Остальные представляли собой пёструю смесь: светлые эльфийки с серебристыми волосами, смуглые полукровки с раскосыми глазами, русые девушки, похожие на людей, и пара наложниц с чертами, которые напоминали мою собственную внешность — помесь человека и эльфа, полукровки, как и Малика.

Интересно. Значит, Дариан не держал чистокровных дроу в своём гареме, кроме Кайлины. Почему? Я не успела додумать эту мысль. Чьи-то руки обхватили меня за плечи, и звонкий голос воскликнул прямо над ухом:

— Малика! Ты жива! Я знала!

Я вздрогнула и обернулась. На меня смотрела молодая эльфийка — светлые волосы до пояса, огромные голубые глаза, сияющие искренней радостью. Одета она была в простое платье небесно-голубого цвета, которое подчёркивало её хрупкую девичью фигуру. Память Малики услужливо подбросила имя: Эла`атери. Единственная настоящая подруга прежней Малики. Не завистница, не соперница — просто добрая, наивная девушка, которая искренне привязалась к фаворитке.

— Эла`атери, — я улыбнулась и позволила себя обнять.
— Да, я жива.

— Я знала! — повторила она, отстраняясь и заглядывая мне в лицо. — Я знала, что Повелитель передумает! Он не мог тебя казнить. Он ведь влюблён в тебя!

Влюблён. Ага. Как же. Света, внутри меня иронично хмыкнула. Влюблён — громкое слово для мужчины, который готов был отрубить тебе голову из-за сомнительных писем, даже не разобравшись. Но я не стала разочаровывать Эла`атери. Она напоминала мне Наташу, молодого специалиста, которая пришла к нам в бухгалтерию сразу после института. Такая же наивная, такая же восторженная, с такой же верой в прекрасное. Наташа тогда была уверена, что главный бухгалтер Ниночка — добрая женщина с ангельской улыбкой. А через месяц узнала, что эта «добрая женщина» списывает недостатки на стажёров. Ничего, научилась всему, жизнь — хороший учитель. Вот и Эла`атери была милой, глу-

пой, наивной. Одно слово — молодая.

— Спасибо, что верила в меня, — сказала я, мягко похлопав её по плечу. — Расскажешь, что тут без меня было?

Эла`атери открыла рот, чтобы начать рассказывать — на-верняка длинную историю, полную драматических подробностей, — но её перебил властный голос, разнёсшийся по залу:

— Леди, внимание!

Старшая по гарему, госпожа Морвейн, стояла в центре зала. Высокая, худая женщина с седыми волосами, собранными в строгий пучок. Её лицо напоминало сушёное яблоко, а голос — звук наждачной бумаги.

— Сегодня у нас распределение дворовых дел, — объявила она, когда девушки затихли. — Повелитель устраивает праздник в честь Летнего солнцеворота через две недели, нужно подготовить дворец. Для каждой из вас будет своё задание.

Она начала зачитывать список. Девушки подходили, получали свитки с поручениями и уходили. Я ждала, что сейчас прозвучит что-то о расследовании, о том, что среди нас ищут предательниц, подбросивших письма. Что Дариан велел найти виновных. Ни слова. Я нахмурилась, очень странно. Дариан лично сказал мне прошлым вечером, что Морвейн получила приказ найти предательниц. Почему тогда она молчит? Расследование идёт тайно? Или... кто-то его тормозит?

— Леди Малика, — Морвейн подозвала меня и протянула свиток. — Вам — украшение восточной галереи. Вышивка, гобелены, цветочные композиции. Справитесь?

— Разумеется, — я взяла свиток, не показав удивления.

Она задержала на мне взгляд дольше, чем на других, и в её выцветших глазах промелькнуло сомнение. Словно она тоже не знала, как теперь ко мне относиться. Я отошла. Что ж, восточная галерея — это несложно: цветы я люблю, а вышивку как-нибудь переживу. Но мысли мои были заняты другим: почему Морвейн не объявила о поиске предательниц?

После выполнения сегодняшней части задания — расставить вазы под цветы в восточной галерее, сверить старые гобелены с новым списком, отметить, какие требуют чистки, — я наконец освободилась. Солнце уже клонилось к закату, и я решила воспользоваться случаем прогуляться по саду. Сад был прекрасен в любое время суток, но вечером он становился волшебным. Фонтаны подсвечивались магическими огнями, цветы источали тонкие ароматы, а мраморные дорожки, нагретые за день, отдавали тепло. Я медленно шла, наслаждаясь тишиной и покоем. По пути я заметила круглую, увитую плющом беседку с мраморными колоннами. Внутри, за низким столиком, заваленным книгами и свитками, сидел Ирман.

Я остановилась и позволила себе минуту просто смотреть. Он был одет в сиреневый камзол из тонкой ткани — цвет, который мало кто из мужчин рискнул бы надеть, но ему он

изумительно шёл. Светлые волосы, сегодня снова собранные в хвост, открывали тонкие, безупречные черты лица, которые так выгодно подчёркивали длинные пряди волос. Он читал, нахмутив брови, и рассеянно постукивал пальцами по странице.

В прошлой жизни я терпеть не могла длинные волосы у мужчин. Мой бывший муж носил короткую стрижку, и я считала это единственно правильным вариантом. Но, наверное, всё дело было в том, что те мужчины просто не были Ирманом. Потому что Ирман с его светлыми прядями, обрамлявшими аристократическое лицо, выглядел как произведение искусства. Не смазливый мальчик — нет, утончённый, умный, сдержанный мужчина. Я подошла ближе. Он поднял голову, его лицо мгновенно изменилось. Задумчивость исчезла, уступив место сухой вежливости. Он коротко кивнул.

— Леди Малика.

— Советник Ирман, — я улыбнулась и вошла в беседку без приглашения. — Добрый вечер. Не помешаю?

Он чуть помедлил с ответом. Пальцы, лежавшие на книге, напряглись.

— Вовсе нет, — сказал он ровным тоном, но я заметила, как поджались его губы. — Я как раз собирался заканчивать.

— О, не спешите из-за меня, — я села напротив, положив руки на колени. — Я просто хотела поблагодарить вас за цветы. Они прекрасны. У вас отличный вкус.

— Рад, что вам понравилось, — он отложил книгу, потому

что хорошие манеры требовали смотреть на собеседницу, а не в страницу. Но взгляд его оставался отстранённым.

Я мысленно улыбнулась: ревнует и злится на себя за это. Классика. Я достаточно прожила, чтобы распознать этот букет эмоций: мужчина, который не хотел привязываться, вдруг обнаружил, что женщина ему интересна, а она взяла и провела ночь с другим. Пусть даже этот другой — Повелитель. Даже если он сам ушёл, оставив нас наедине. Я перевела взгляд на стопку книг и решила сменить тему. С мужчинами в состоянии уязвлённой гордости лучше говорить о работе.

— Над чем вы работаете?

Ирман помедлил, явно не ожидая такого вопроса. Видимо, прежняя Малика никогда не интересовалась его делами.

— Просматриваю старую переписку со светлыми эльфами, — ответил он после короткой паузы. — Повелитель Лесов использует довольно редкий древний диалект. Я как раз изучаю его, — он кивнул на книги. — Это всевозможные упоминания и переводы.

— Древний диалект? — я подалась вперёд с искренним интересом. — Это, должно быть, очень увлекательно.

Я потянулась к одному из фолиантов и придвинула его к себе. Тяжёлый кожаный переплёт, пожелтевшие страницы, незнакомые буквы, больше похожие на сплетённые ветви деревьев, чем на письменность. Красиво, но абсолютно непонятно. Ирман заметил мой интерес и, кажется, немного рас-

слабился.

— Да, это действительно интересно, — сказал он.

— Язык необычный — в нём значение слова может меняться в зависимости от порядка символов в строке. У нас во дворце, к сожалению, мало словарей, что могут точно передать смысл. Приходится сверять по трём-четырёх источникам.

Я продолжала разглядывать страницу. Малика едва освоила основной язык дру, письменность давалась ей с трудом. А здесь было что-то совершенно иное: чуждый алфавит, изогнутые линии, значки, похожие на следы птиц.

— Ничего не понимаю, — честно сказала я.

Ирман открыто улыбнулся впервые за этот разговор. Его лицо расслабилось, и на мгновение из сурового учёного он превратился в увлечённого молодого мужчину.

— Это неудивительно. Данный диалект знают лишь несколько советников в нашем дворце, да и те вряд ли смогут прочесть его без словаря. Вот, взгляните, — он взял со стола листок с пометками и поднялся, обходя стол. — Я сделал перевод первых строк.

Он подошёл ко мне и склонился рядом, размещая листок поверх раскрытой книги. И вдруг стало так тихо, что я услышала, как где-то в саду стрекочет ночное насекомое и как бьётся моё сердце. Ирман оказался слишком близко. Я вдохнула — и меня окатило его терпким, мужским, с нотами амбры и сухого дерева запахом. Никаких цветочных духов, ни-

какой фиалковой воды, которой, наверное, душились придворные щёголи. От Ирмана пахло сдержанной, спокойной силой.

— Вот здесь, — его изящная рука указала на строку. Длинные пальцы, аккуратные ногти, чёткий, изящный почерк. — Этот символ означает «вечный», но только в сочетании вот с этим знаком. А отдельно он читается как «тьма». Видите разницу?

Я не видела разницы. Я вообще перестала что-либо видеть, кроме его руки совсем рядом с моей. Кроме того, как двигаются его губы, когда он говорит. Меня бросило в жар. Я медленно, как в тумане, подняла голову, обернулась и посмотрела на него снизу вверх. Мои зелёные глаза встретились с его серыми — распахнутые, блестящие, слишком откровенные в своём волнении. Ирман перевёл взгляд с бумаг на меня. Я увидела этот момент во всех подробностях. Как дёрнулся его кадык, когда он судорожно сглотнул ком в горле. Как его взгляд скользнул по моему лицу — глаза, губы, скулы, — а затем опустился ниже, по шее, к ключицам, туда, где вырез синего платья открывал кожу. Одно короткое, опасное, наполненное электричеством мгновение. А потом он резко выпрямился.

— Что ж, — сказал он чуть более глухим голосом, чем прежде, возвращаясь на своё место с другой стороны стола. Движения его были неспешными, но я заметила, как глубоко он вздохнул, прежде чем снова взять книгу в руки. — Теперь

вы знаете, как отличить «вечный» от «тьмы».

Но я пришла сюда не только за этим. Пора было задать вопрос, который действительно меня волновал.

— Ирман, — сказала я голосом, что прозвучал серьёзнее, чем раньше. — Скажите, почему виновных наложниц не ищут?

Глава 8

Ирман рвано вдохнул, его пальцы, только что расслабленно лежавшие на странице, снова напряглись. Он отвёл взгляд — уставился в тёмный проём беседки, словно там был написан ответ, который он не хотел произносить вслух. Я же ждала.

— Их нашли, — сказал он наконец ровным голосом. — Двух служанок повесили сегодня на рассвете.

Я непонимающе моргнула.

— Служанок?

— Да. Они якобы признались, что подбросили письма по чьему-то поручению. Чьему именно — не сказали, на них наложили мощное заклятие тишины. Повесили прежде, чем я успел с ними поговорить.

Стало настолько тихо, что я слышала, как где-то в саду плещется вода в фонтане. Служанки. Две несчастные девушки, которые, скорее всего, вообще не понимали, в чём их обвиняют. Изнанка этого дела была очевидна: настоящие предательницы остались нетронутыми, а козлы отпущения уже болтались в петле. И Ирман это знал. Знал — и допустил.

Первой реакцией — реакцией молодой, горячей Малики стала ярость. Мне захотелось вскочить, закричать, потребовать объяснений. Как он мог? Как он, умный, справедливый Ирман, позволил повесить невиновных? Но Светлана внутри

меня положила руку на плечо молодой ипостаси и сказала: «Тихо, девочка. Думай».

Я заставила себя вдохнуть и медленно выдохнуть десять раз. Ирман не стал бы покрывать такое без причины. Он не трус и не подлец — я уже достаточно его узнала, чтобы понимать это. Если он допустил казнь служанок, значит, у него не было выбора. Или он пытался их спасти, но не смог. Или же кто-то оказался быстрее. Кайлина? Да. Но дело не только в ней. Чтобы повернуть такое за спиной у Повелителя и его главного советника, нужна серьёзная защита. Нужен кто-то выше. Или кто-то, кого боятся даже советники. Я несколько секунд смотрела на Ирмана. Он не отводил взгляда, но в его серых глазах читалось то, чего я раньше не видела. Глухое, тщательно скрываемое, чувство вины.

— Что ж, — сказала я, поднимаясь. — Ясно.

Ирман мгновенно, как того требовали хорошие манеры, поднялся вместе со мной. Но за этим движением он словно не хотел, чтобы я уходила вот так — с этим холодным «ясно» и разочарованием в глазах. Он колебался. Я видела это по тому, как чуть дрогнули его ресницы, как пальцы сжались в кулак и разжались снова. Наконец он заговорил:

— Это не повторится, леди Малика.

Голос прозвучал тихо, но уверенно. Это не было извинением и не было оправданием. Это было обещанием мужчины, который отчётливо понял, что его бездействие стоило жизни двум невиновным, и который поклялся себе, что боль-

ше такого не допустит.

Я посмотрела на него. На безупречное лицо, на поджатые губы, на тень, упавшую от ресниц. Когда-то я сама была на его месте. Когда в бухгалтерии списывали недостачу на невиновных стажёров, а я знала правду, но не могла ничего доказать и смолчала, чтобы сохранить место. Та вина до сих пор мучает во снах. Я понимала его, хоть и не прощала до конца. Ничего не ответив, я коротко кивнула и вышла из беседки.

Вечерний сад встретил меня прохладой. Магические огни уже зажглись, разбрасывая по мраморным дорожкам мягкое золотистое свечение. Я шла, чувствуя, как внутри закручивается злость.

Служанки мертвы. Настоящие предательницы живы и, наверное, уже празднуют победу. У Кайлины есть покровитель — кто-то достаточно влиятельный, чтобы тормозить расследование и подсовывать козлов отпущения. И этот кто-то может быть опаснее, чем сама Кайлина. Но я не Малика, и я найду способ добраться до правды. Даже если для этого придётся перевернуть весь дворец вверх дном.

Я не пошла сразу в свои покои. Злость требовала выхода. Нужно было проветрить голову, заодно и понаблюдать. Я вернулась в общий зал гарема и устроилась в углу, сделав вид, что вышиваю. Никто не обращал на меня внимания — девушки привыкли, что Малика то появляется, то исчезает. А я тем временем смотрела, слушала и анализировала. К вечеру в гареме стало оживлённее. Девушки готовились к

ужину: кто-то переодевался в более нарядные платья, кто-то заплетал причёски. Несколько наложниц столпились вокруг арфы, и одна из них — кажется, её звали Лиранна — наигрывала тихую, переливчатую мелодию.

Я заметила, что в гареме царила своя, скрытая от посторонних глаз иерархия. Девушки не просто жили вместе — они делились на группы, и границы этих групп были куда жёстче, чем можно было предположить. Я насчитала три условных «круга».

Первый — чистокровные светлые эльфийки. Их было четверо, держались они особняком, говорили тихо, одевались в светлые, серебристые и голубые тона.

Они не лезли в интриги, но и дружбы ни с кем не водили, словно ждали чего-то или кого-то.

Второй круг — полукровки вроде меня. Люди с примесью крови дроу или со светлой кровью, как Эла`атери. Этих было больше всего — восемь, они общались между собой, смеялись, сплетничали. Самые живые, разные. К этому кругу принадлежали и подружки Кайлины — Астремей и Ниила. Но сама Кайлина в общий зал не спускалась. Её покои, как и мои, находились этажом выше.

Третий круг — те, кто не вписывался. Пара девушек с такой слабой магической искрой, что их держали скорее из милости, чем для удовольствия Повелителя. И одна девушка с восточными чертами лица — узкие глаза, смуглая кожа — которая вообще не говорила на общем языке. Она сидела у

окна и плела что-то из нитей, и никто к ней не подходил.

Я перевела взгляд на Эла`атери. Она сидела у окна и расчёсывала свои длинные светлые волосы, которыми я недавно любовалась. На её лице блуждала мечтательная улыбка. Интересно, о ком она мечтает?

Я вспомнила ещё кое-что из обрывков памяти Малики. Эла`атери никогда не спала с Повелителем. Она вообще старалась не попадаться ему на глаза. Когда Дариан выбирал наложницу на ночь, Эла`атери тихо исчезала в своём алькове, задвигала полог и делала вид, что спит. Малика когда-то спросила её — почему? И Эла`атери, краснея, призналась: её сердце принадлежит другому. Наёмник, не то человек, не то полукровка. Он появлялся во дворце раз в несколько месяцев — его отряд нанимали для охраны границ, и в редкие визиты в столицу он находил способ пробраться в гарем. Эла`атери проводила с ним ночи в тайне, рискуя всем, что имеет. И искренне верила, что однажды он женится на ней, заберёт её из гарема и они будут жить долго и счастливо.

Светлана внутри меня грустно усмехнулась. Ох, девочка, видела я таких мужчин сотни раз. Парень использует наивную эльфийку, а когда надоест — исчезнет, оставив её с разбитым сердцем и, возможно, незапланированной магической искрой в животе. Но я ничего не сказала. Во-первых, Эла`атери не поверит. Во-вторых, такие уроки жизнь преподаёт сама — и только так они усваиваются, слова тут бессильны. Я отложила вышивку и пересела к Эла`атери.

— О ком мечтаешь? — тихо спросила я.

Она вздрогнула, покраснела и спрятала улыбку.

— Ни о ком. Просто... хороший вечер сегодня, правда?

— Хороший, — согласилась я. — Слушай, можно вопрос?

— Конечно, Малика. Ты же знаешь, я тебе всё что угодно расскажу.

Я подалась ближе и понизила голос:

— Я хочу спросить о Кайлине. Почему она, чистокровная дроу в гареме?

Эла`атери замерла. Её руки, державшие расчёску, опустились. Она бросила быстрый, испуганный взгляд по сторонам и прошептала:

— Малика! Ты что! Мы не обсуждаем леди Эрайтариен.

Эрайтариен. Я мысленно повторила это слово. Звучало не как фамилия — скорее как родовое имя. У дроу, насколько я помнила из обрывков знаний Малики, были не фамилии в человеческом понимании, а так называемые «корни рода» — имин`тар. Они передавались по материнской линии и обозначали принадлежность к определённому Дому. Чем древнее был корень, тем больше в нём было слогов и тем больше уважения он вызывал. Эрайтариен — слово длинное, из пяти слогов. Очевидно, род древний и влиятельный.

— Почему? — спросила я, сохраняя спокойный тон.

Эла`атери округлила глаза и перешла почти на беззвучный шёпот:

— Ну, ты же знаешь. Её Дом — один из сильнейших в

королевстве. Говорят, у них покровители в самом Совете. Даже Повелитель... — она осеклась и не закончила фразу.

Даже Повелитель — что? Считается с ними? Не может их игнорировать? Вынужден терпеть Кайлину в гареме не потому, что она ему нравится, а потому что за ней стоит сила, с которой нельзя не считаться?

— Ясно, — сказала я. — Спасибо, Эла`атери.

— Малика, — она схватила меня за руку. — Пожалуйста, будь осторожна. Ты только что из темницы, не лезь к ней.

Я улыбнулась и похлопала её по руке.

— Я тоже опасна, Эла`атери. Просто пока об этом не все знают.

Эла`атери посмотрела на меня с сомнением — и, кажется, не поверила. Но промолчала, только вздохнула и вернулась к своей расчёске. А я откинулась на спинку и задумалась.

Значит, Эрайтариен имеют покровителей в Совете. Кайлина — не просто хитрая блондинка с холодными глазами. Она — представительница одной из сильнейших семей королевства. И она находится в гареме Дариана. Зачем? Следит за ним? Влияет на него? Или просто ждёт своего часа? И главное: если за ней стоит такая сила, почему она вообще опустилась до того, чтобы подставлять меня — простую полукровку? Ревность? Или что-то более серьёзное?

Я вспомнила слова Ирмана о том, что приказ Повелителя могли «перехватить». Теперь это обретало смысл. Если у Дома Эрайтариен есть свои люди среди советников, они могли

надавить на Морвейн, чтобы та спустила расследование на тормозах. Повесили двух невинных служанок — и проблема решена. Предательницы не найдены, но виновные наказаны. Формально приказ выполнен. Я поднялась, попрощалась с Эла`атери и направилась к себе. В покоях меня ждали цветы, Тильда и размышления. Завтра нужно будет нанести визит Кайлине для разведки. Посмотреть ей в глаза, попытаться понять, что она задумала. И может быть, найти способ заставить её ошибиться.

Глава 9

Утро нового дня я встретила с холодной головой и горячим желанием действовать. Я плохо спала — ворочалась, смотрела в тёмный потолок и прокручивала в голове всё, что узнала за последние дни. Дом Эрайтариен имел древние корни и покровителей в Совете. Кайлина — чистокровная дреу, которая зачем-то сидит в гареме Повелителя и занимается тем, что подставляет полукровок. Зачем? Ответов пока не было, нужно действовать с разведки обстановки. А разведка, как учил меня опыт, начинается не с удара в лоб, а с наблюдения.

Привычно позавтракав булочкой с дивным чаем и отметив блаженное отсутствие изжоги (спасибо молодому желудку) — я спустилась в общий зал гарема. Сегодня в нём было шумно: вовсю шла подготовка к празднику Летнего солнцеворота, и госпожа Морвейн раздавала первые поручения. Девушки сбивались в группы, обсуждали, кто чем займётся. Кто-то тащил рулоны ткани, кто-то разбирал цветочные гирлянды, кто-то спорил из-за украшений для галереи.

Я оглядела зал, отмечая расстановку сил. Светлые эльфийки, как обычно, держались вместе — они разбирали серебряные ленты и тихо переговаривались. Полукровки толпились у шкафов с тканями, и среди них я заметила Эла`атери — она махала мне рукой и улыбалась. Я махнула в от-

вет, но подходить не стала. Мой взгляд двинулся дальше: у восточного окна, в стороне от общей суеты, расположилась Кайлина со своей свитой. Она сидела в кресле, обитом тёмно-синим бархатом, и неторопливо просматривала какой-то свиток — видимо, список поручений. Чуть позади, как верные тени, стояли Астремей и Ниила.

Я позволила себе несколько секунд разглядывать их, пока никто меня не замечал. Кайлина сегодня была одета в платье глубокого сапфирового цвета, что так шёл к её холодным серым глазам и платиновым волосам. Никаких лишних украшений: только фамильные кольца на пальцах и изящное кольцо с сапфиром на шее. Она выглядела как женщина, которой не нужно ничего доказывать, чей статус говорил сам за себя.

Астремей стояла слева от неё, чёрные волосы убраны в тугой узел, а тёмно-бордовое платье сидело на ней как военный мундир. Она страж Кайлины, цербер в юбке, готовая вцепиться в любого, кто приблизится к хозяйке без разрешения.

Ниила же отличалась. Более фигуристая, чем Астремей, с томными, чуть сонными глазами и пухлыми губами, вечно сложенными в капризное выражение. Привлекательна, даже очень. Одетая девушка была в тёмно-лиловое платье с излишним количеством рюшей — словно пыталась компенсировать недостаток вкуса количеством деталей. Она переминалась с ноги на ногу, теребила край рукава и явно скучала.

Интересно. Астремей — умная, преданная, опасная. Кайлина — неприступная и расчётливая. А вот Ниила... Ниила — не такая. Она как собачонка, которую взяли в дом за красивые глаза, но забыли обучить командам. Держится возле Кайлины, но явно не по своей воле. Точнее, не по своему уму, скорее всего, её привела и наставляет Астремей. Надо проверить догадку.

Я взяла со стола первый попавшийся свиток — кажется, список цветочных композиций для восточной галереи, — и направилась к троице. Шла спокойно, с лёгкой улыбкой, изображая женщину, у которой нет ни страха, ни скрытых мотивов. Просто обсуждаю рабочие вопросы. Астремей заметила меня первой. Её лицо скривилось так, словно она увидела таракана на праздничном торте. Ниила, проследив за её взглядом, тоже нахмурилась — правда, у неё получилось не угрожающе, а скорее по-детски обиженно. Кайлина подняла голову последней. Её серые глаза встретились с моими зелёными — и ни одна из нас не отвела взгляда.

— Леди Эрайтариен, — я склонила голову ровно настолько, насколько требовала вежливость. Не подобострастно, но уважительно.

— Малика, — она произнесла моё имя нейтрально, даже не кивнув в ответ. — Ты что-то хотела?

— Всего лишь сверить планы, — я подняла свиток. — Морвейн поручила мне восточную галерею, но я слышала, что вы отвечаете за цветочные гирлянды для всего дворца.

Хотела уточнить, какие цветы вы планируете использовать, чтобы мои композиции не выбивались из общей картины.

Я говорила деловито, без малейшего намёка на скрытые смыслы. Астремей презрительно фыркнула, явно не повелась на мою показную искренность. Ниила переглянулась с ней и тоже скривилась. Кайлина, однако, осталась невозмутимой. Она не фыркала, не закатывала глаза, не пыталась уколоть меня скрытой издёвкой. Она была выше этого, была леди.

— Синие оттенки и серебряные, — ответила она. — Летний солнцеворот — праздник ночи, а не дня. Синий, серебро, индиго. Никаких тёплых оттенков.

— Благодарю, — я кивнула. — Тогда я оформлю восточную галерею в тех же тонах.

Кайлина коротко кивнула в ответ, обозначая, что разговор окончен. Но я не уходила.

— Кстати, — я перевела взгляд на Ниилу, которая стояла чуть поодаль и теребила рюши на рукаве. — Это ведь ты вышивала бабочек на занавесях в западном крыле? Я видела их вчера, потрясающая работа.

Ниила замерла. Её туманные глаза на мгновение прояснились, в них мелькнула искренняя радость. Но Астремей тут же дёрнула её за рукав и шикнула. Ниила потухла так же быстро, как загорелась. Лицо эльфийки снова приняло капризно-обиженное выражение. Но я уже заметила то, что мне было нужно. Ниила жаждет признания. Она в тени Кай-

лины, её никто не хвалит, никто не замечает. Астремей её помыкает. Кайлина воспринимает как должное. А я заметила её труд.

— Что ж, — я снова обратилась к Кайлине, — не буду вас задерживать, спасибо за уточнение.

Кайлина посмотрела на меня долгим взглядом, явно пытаясь понять, что это было. Её серые глаза изучали моё лицо, но я улыбалась всё той же лёгкой, ничего не значащей улыбкой.

— Ступай, — сказала она наконец.

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя спиной три взгляда. Один — холодный, изучающий. Второй — злобный, полный ненависти. Третий — растерянный, с примесью надежды на то, что её хоть кто-то заметит. Светлана удовлетворённо хмыкнула. Диалог был пустым с виду, но я узнала то, за чем пришла. Кайлина не опускается до склок — она умна, сдержанна и опасна. С ней воевать в лоб бессмысленно. Астремей — верный цербер, её не переманить и не обмануть. А вот Ниила — слабое звено. Когда-нибудь, в нужный момент, она даст трещину, и тогда я узнаю всё, что мне нужно. Покинув троицу, я направилась к госпоже Морвейн. Старшая по гарему стояла у стола, раскладывая списки поручений, и хмурилась. При моём приближении она подняла голову и приготовилась к тому, что сейчас я снова начну отлынивать, как делала прежняя Малика.

— Леди Малика, — сухо сказала она. — Вы уже ознако-

мились со своим заданием по восточной галерее?

— Да, — я взяла список из её рук и пробежала глазами. — Но позвольте заметить: здесь указано, что гирлянды должна развешивать Лиранна, а она играет на арфе и боится высоты. Лучше поручить это Нииле — у неё лёгкая рука и хороший вкус. А Лиранна пусть займётся музыкальным сопровождением праздника.

Морвейн комично изогнула бровь.

— Вы хотите перераспределить задания?

— Я хочу, чтобы всё прошло гладко, — я улыбнулась. — Праздник меньше чем через две недели, работы много. Если расставить людей по их способностям, мы справимся быстрее. Вот, например, — я ткнула пальцем в список, — Эла’атери отлично плетёт венки, но вы поставили её на вышивку. А у неё с вышивкой — сами знаете. Зато Олей’ануа — мастерица по этой части. Поменяйте их местами.

Морвейн уставилась на меня как на диковинного зверя. Видимо, прежняя Малика никогда не предлагала ничего подобного. Прежняя Малика вообще вряд ли знала, кто из девушек на что способен.

— Это имеет смысл, — признала Морвейн, качая головой. — Я подумаю над вашими предложениями.

— Спасибо, — я кивнула и удалилась, оставив старшую по гарему в состоянии лёгкого культурного шока.

Остаток дня я провела в трудах. Не отлынивала, не пряталась в углу с вышивкой, не уходила к себе. Я ходила по за-

лу, сверялась со списками, переставляла вазы, расправляла ткани и раздавала указания. Девушки поначалу косились — видимо, тоже не привыкли видеть Малику в роли организатора. Но я говорила спокойно, без высокомерия, и постепенно они начали слушаться.

Эла`атери сияла: её наконец поставили на венки, и она плела их с таким упоением, что я невольно улыбнулась. Лиранна, избавленная от гирлянд, тихо наигрывала на арфе, и её тихая мелодия создавала приятный фон для общей работы. Даже светлые эльфийки, обычно державшиеся особняком, несколько раз подходили ко мне с вопросами — и получали чёткие, дельные ответы.

Я настолько увлеклась, что не заметила, как пролетело время. Солнце уже начало клониться к закату, окрашивая зал в золотистые тона. Именно в этот момент, подняв голову от разложенных на столе образцов ткани, я случайно бросила взгляд на верхнюю галерею. Наверху, у мраморного парапета, стоял Дариан в окружении нескольких доверенных советников — среди них я узнала Ирмана, который держался чуть поодаль с неизменными свитками в руке, и ещё пару фигур в тёмных одеждах.

Они обходили дворец, направляясь в зал переговоров, или захотели взглянуть на подготовку к празднику. Но Дариан не смотрел на гирлянды, он смотрел только на меня. Высокий, мощный, в своём чёрном камзоле. Брутальный, с волевым тяжёлым подбородком и скрещёнными на груди руками. Его

лицо было непроницаемым, но в позе чувствовалось напряжение. Он смотрел так, словно видел перед собой не ту женщину, которую знал три года, а кого-то совершенно чужого и в то же время — кого-то, кого ему отчаянно хотелось узнать ближе.

Я спокойно выдержала его взгляд. А потом коротко, с достоинством, не опуская глаз, кивнула. Дариан не ответил, но и не отвернулся. Ирман, стоявший рядом, тоже смотрел в мою сторону. Но его взгляд был более тёплым, с примесью любопытства, которое я заметила ещё в беседке. Он чуть заметно улыбнулся уголками губ и перевёл взгляд на Дариана, словно тоже заметил перемену в Повелителе. Я вернулась к работе, но кожей чувствовала: они всё ещё смотрят, и это было чертовски приятно.

Вечером, когда я наконец добралась до своих покоев и упала в кресло, Тильда подала мне чай и тихо спросила:

— Госпожа, вы сегодня так много работали. Устали?

— Нет, — я улыбнулась и отпила глоток. — Сегодня я сделала больше, чем за три года прежней жизни.

Тильда не поняла, о чём я говорю, но на всякий случай кивнула. А я закрыла глаза и прокрутила в голове итоги дня. К Кайлине подход возможен через Ниилу. А Дариан начал замечать, что я изменилась. И, кажется, это не даёт ему покоя. Что ж, пусть думает, гадает, что произошло с его бывшей фавориткой. Это только начало.

Глава 10

Ночь перед Летним солнцеворотом тихо и торжественно опустилась на дворец. Завтра здесь будут греметь музыка и смех, гости из соседних королевств заполнят галереи и залы. Завтра всё должно быть безупречно, а пока я наводила последние штрихи, вносила последние поправки перед великим днём. Я стояла в восточной галерее и с удовлетворением оглядывала свою работу. За две недели работы это место преобразилось: серебристые и синие цветочные гирлянды обрамляли мраморные колонны, вышитые серебром гобелены мягко колыхались от сквозняков, изысканные цветочные композиции источали тонкий аромат ночных цветов. Всё было именно так, как я задумала: величественная красота, достойная праздника ночи.

— Госпожа, — Тильда, прибежавшая помочь с последними мелочами, восхищённо всплеснула руками. — Это великолепно! Гости ахнут!

— Надеюсь, — я улыбнулась. — А теперь иди спать, завтра будет долгий день.

Служанка убежала, а я ещё раз обошла галерею, поправляя то одну складочку на гобелене, то другую. Всё было идеально. Я легла спать с чувством выполненного долга и с предвкушением завтрашнего дня. Моё платье из ярко-зелёного шёлка с лиловой невесомой органзой, расшитой серебряны-

ми нитями и мелкими изумрудами, — висело в шкафу, готовое к выходу. Я представляла, как войду в зал, как будут смотреть на меня гости, как Дариан заметит меня среди всех наложниц... Глупые, тщеславные мысли, но даже Светлана иногда имела право на тщеславие.

Но утро началось с криков. Я проснулась от топота ног в коридоре и тревожного шёпота. Накинув халат, я выскочила из покоев и побежала в восточную галерею, уже зная — случилось что-то плохое. Галерея была в ужасном состоянии. Гирлянды были частично оборваны, гобелены грязными, а цветочные композиции завяли, разбрасывая по полу лепестки вперемешку с грязью. Моя работа последних двух недель, моя гордость — всё превратилось в хаос. Я стояла посреди этого разгрома, не в силах вымолвить ни слова. Вокруг суетились проснувшиеся девушки, ахали, переглядывались, но ни одна не подошла. Только Эла`атери несмело тронула меня за рукав, но и она молчала.

— Леди Малика. — Голос Морвейн прозвучал как удар хлыста.

Старшая по гарему стояла у входа в галерею, и лицо её было мрачнее грозовой тучи, что заволокла небо за окном. За её спиной теснились остальные наложницы — прибежали на шум. Среди них я заметила Кайлину. Её лицо было непроницаемым, но Астремея, стоявшая рядом, не скрывала довольной усмешки.

— Я... — начала было я, но Морвейн перебила.

— Я понадеялась, что из вас выйдет толк, — произнесла она ледяным тоном. — Вы взялись за работу с таким рвением, что я почти поверила в вашу ответственность. Но нет, вы всё та же бестолковая Малика, которая не способна уследить за собственной зоной ответственности.

— Кто-то испортил галерею, — сказала я, стараясь сохранять спокойствие. — Это саботаж, нам нужно провести расследование.

— Расследование? — Морвейн горько усмехнулась. — Гости придут через несколько часов, у нас нет времени на расследования. Леди! — она обернулась к толпе. — Всем немедленно исправить этот кошмар. А вы, леди Малика, — она снова повернулась ко мне, и в её выцветших глазах читалось разочарование, — отправляйтесь в свои покои и оставайтесь там до конца праздника.

— Вы не можете...

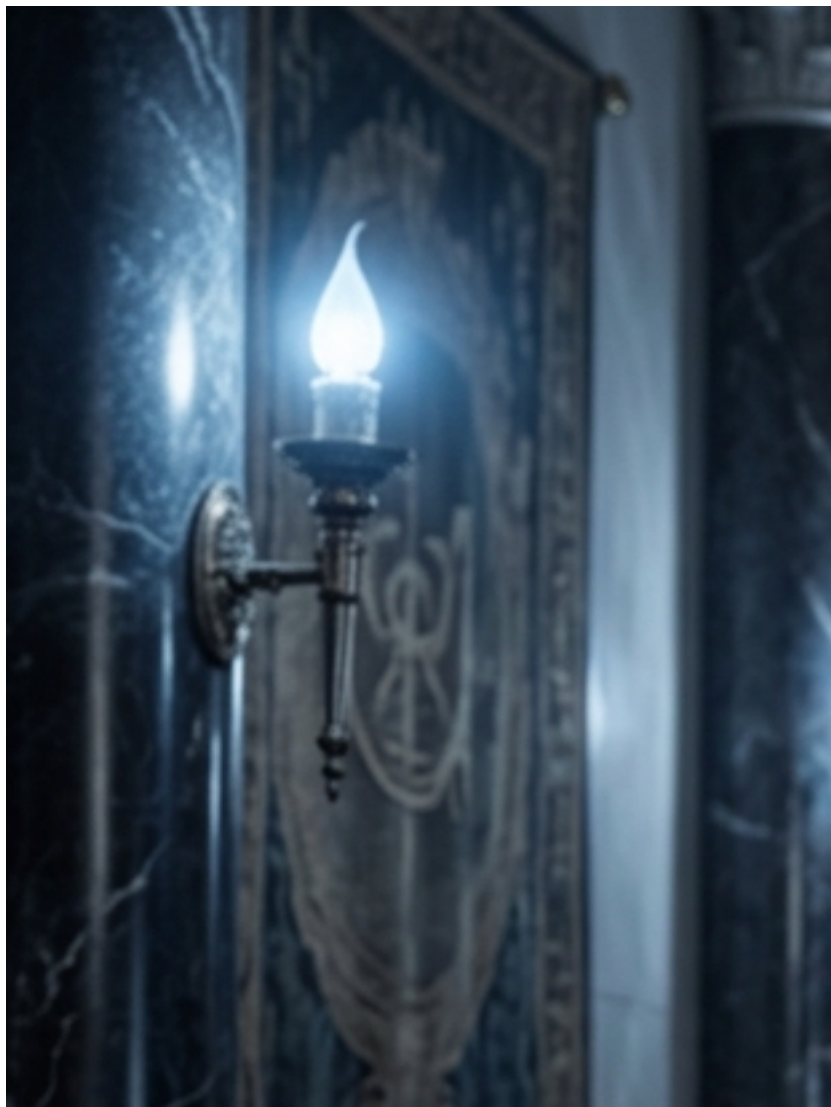
— Могу. Вы уже сказали достаточно, Малика. Рекомендую не пререкаться. Стража!

Два стражника выросли словно из-под земли. Я не стала устраивать скандал, спорить. Я развернулась и пошла, чувствуя спиной взгляды всех наложниц. Когда проходила мимо Кайлины, я на мгновение встретилась с ней глазами. Она не улыбалась, смотрела спокойно, холодно, с лёгким интересом, как смотрят на насекомое, которое только что перестало жужжать. Дверь моих покоев захлопнулась, и снаружи лязгнул засов. Я стояла посреди комнаты и смотрела на своё пла-

ть. Изумрудный шёлк мерцал в утреннем свете. Невесомая органза колыхалась от сквозняка. Драгоценные камни на вышивке подмигивали мне разноцветными искрами. Я подбирала этот наряд несколько дней. Я представляла, как войду в нём в зал, зазвучит музыка, Повелитель посмотрит на меня и, возможно, пригласит на танец. Глупо, по-девичьи, но я действительно этого ждала. А теперь меня никто не увидит. Я подошла к окну. Отсюда, с верхнего яруса, открывался вид на главный двор. Там уже суетились слуги, расставляли последние украшения, выравнивали ковровые дорожки. Прибывали первые гости — кареты, всадники, разодетые делегации.

А потом я увидела, как Кайлина вышла на парадное крыльцо. Она была ослепительна: серебристо-синее платье, сапфиры в платиновых волосах, гордая осанка королевы. Она встала рядом с Дарианом — Тёмный Повелитель сегодня был облачён в чёрный бархат с серебряным шитьём и выглядел так, что у любой женщины подкосились бы колени. Кайлина взяла его под руку — и он не отстранился. Вместе они приветствовали гостей. Вместе они направились в праздничный зал. Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком от унижения. Она будет пить вино, танцевать и принимать комплименты. А я буду сидеть здесь, под арестом, в платье, которое никто не увидит. Я отошла от окна и резко опустилась в кресло. Внутри всё кипело. Сорок семь лет жизни — и я сижу, как девчонка, наказанная за чужую ша-

лость. Нет, это не Кайлина лично — она не стала бы мараить руки о гирлянды, но её свита, да, они могли. И Морвейн, то ли запуганная, то ли купленная, то ли просто уставшая, списала всё на «бестолковую Малику».

Я снова подошла к окну. Праздник уже начался — из главного зала доносились отголоски музыки, смех, звон бокалов. Я искала глазами хоть кого-то знакомого. Может быть, Эла`атери? Она, конечно, не посмеет послушаться Морвейн, но хотя бы помашет издалека. Может быть, Дариан заметит моё отсутствие и спросит обо мне? Хотя нет — Кайлина держит его под руку и наверняка очаровательно нашёптывает на ухо. Я уже хотела отойти от окна, когда заметила движение внизу. По территории дворца, вдоль живой изгороди, шёл Ирман в сопровождении начальника стражи и нескольких воинов. Видимо, обходил периметр — праздник праздником, а безопасность превыше всего. Он был одет в тёмно-зелёный бархат — праздничный наряд, но без излишней роскоши. Светлые волосы распущены, на плечи наброшен короткий плащ. Меч на поясе — не парадный, а самый настоящий, боевой. Даже в праздник он оставался советником и воином, а не придворным щёголем. Я не раздумывала ни секунды.

— Ирман! — окликнула я, высунувшись из окна.

Он остановился, поднял голову. Удивление на его лице сменилось тревогой.

— Леди Малика? Почему вы не на празднике?

— Долгая история. Не могли бы вы подняться ко мне?

Ирман задержал взгляд на моём лице. Видимо, что-то в нём убедило его не задавать лишних вопросов. Он коротко кивнул начальнику стражи, отдал несколько распоряжений — и направился ко входу.

Я отпрянула от окна и оглядела себя. Платье, которое я надела утром в тщетной надежде, что наказание отменят, всё ещё было на мне. Я выглядела как женщина, готовая к балу, но бал проходил без меня. За дверью слышались шаги, затем голос Ирмана — спокойный, властный — отдал короткий приказ страже. Лязгнул засов, и дверь открылась. Ирман шагнул в мои покои и замер на пороге. Его серые глаза пробежали по моему платью, по волосам, по лицу. На мгновение промелькнуло выражение, которое я заметила ещё в беседе: восхищение, смешанное с растерянностью. Но тут же его взгляд стал серьёзным.

— Что с вами случилось? — сказал он.

Я рассказала. Про разгромленную галерею, про то, что Морвейн даже не попыталась разобраться, про стражу у дверей. Ирман слушал молча, только пальцы сжались на рукояти меча. Когда я закончила, он кивнул:

— Я верю вам, леди. Мы разберёмся во всём после праздника.

— А нужно ли разбираться? — усмехнулась я. Он явно понял, что я говорю про случай со служанками, и поджал губы. — Это не упрёк вам, Ирман. Мы ведь оба понимаем, что во дворце всё... сложно.

— Леди Малика, — он хотел что-то сказать, но мне надоело слушать оправдания.

— Не нужно, Ирман. — Я устала от интриг, от несправедливости, от того, что меня снова заперли, как провинившу-

юся девчонку. Сейчас, в этот момент, мне хотелось только одного: забыться. — Почитайте мне?

На лице моего гостя отразилась целая гамма эмоций: удивление, непонимание, затем — лёгкая растерянность. Он явно ожидал чего угодно — гнева, слёз, требований немедленно идти к Повелителю. Но не этого.

— Почитать? — переспросил он.

— Да. У вас тонкий вкус. Возьмите в книжном шкафу фолиант или свиток. Или... — я неопределённо махнула рукой, — что-нибудь, что вы читаете для себя. Только прошу: не доклады, не отчёты, не древние диалекты, а что-нибудь красивое.

Его серые глаза изучали моё лицо, и я видела в них, как в его голове крутятся мысли: «Почему она просит об этом меня? Или ей правда просто нужен отдых?» Ирман неспешно подошёл к книжному шкафу Малики и критически оглядел содержимое. Достал небольшую книгу в потёртом кожаном переплёте. Не парадный фолиант, а книга, которую держат для души.

— Это очень старый сборник эльфийской поэзии, — сказал он тихо. — Я перечитываю подобные работы, когда мне нужно подумать.

— Почитайте, — я опустилась в кресло у окна, поправила пышные юбки, чтобы они легли красивыми складками, и приготовилась слушать.

Ирман поколебался ещё мгновение, затем прошёл к крес-

лу напротив, но не сел. Вместо этого он опёрся о спинку, раскрыл книгу и, отыскав нужную страницу, начал читать. Голос его звучал негромко, но в тишине покоев каждое слово падало, подобно капле в воду. Он читал на певучем, немного гортанном языке дроу, с длинными гласными и мягкими согласными. Я половины не понимала, но смысл был и не важен. Важен был ритм, глубокий, обволакивающий, проникающий куда-то под кожу тембр его голоса.

Я смотрела на эльфа, не отрываясь. На светлые волосы, сегодня распущенные и спадающие на плечи мягкими прядями. На то, как двигались его губы, произнося незнакомые слова. На то, как его пальцы бережно, нежно переворачивали страницы, словно книга была живым существом. Он поднял глаза от страницы — и осёкся на полуслове. Наши взгляды встретились. Я видела, как шевельнулся его кадык, как дрогнули ресницы, как пальцы чуть крепче сжали книжный переплёт.

— Вы очень красивы сегодня, леди Малика, — сказал он тихо, в его голосе не было ни лести, ни попытки завоевать. Одна простая правда, которую он слишком долго держал в себе.

— Даже под арестом? — я улыбнулась уголками губ.

— Особенно под арестом, — он позволил себе лёгкую улыбку в ответ. — Зелёный — ваш цвет.

— Я запомню.

Он занял пустующий стул и снова опустил глаза к книге,

чтение продолжилось. Но искра, вспыхнувшая между нами в беседке, разгоралась в маленький, но упрямый огонь. Советник сидел напротив — красивый, умный, надёжный — и читал мне стихи, пока где-то в главном зале гремел праздник, а мои враги праздновали победу. В этот момент мне было всё равно. Я вся была здесь, с ним, и это значило куда больше, чем любой бал.

Глава 11

Ирман ушёл, забирая с собой тёплую, невесомую атмосферу, что возникла между нами во время чтения. Я ещё несколько минут сидела в кресле, глядя на закрытую дверь и глупо улыбаясь. Потом встряхнулась и встала. Хватит мечтать, Света. Ты под арестом, так используй время с умом.

Я подняла томик поэзии, который Ирман оставил на столике, и подошла к книжному шкафу. Провела пальцами по корешкам, выискивая свободное место. Шкаф был огромным — от пола до потолка, забитый книгами, свитками и какими-то шкатулками с документами. Малика, судя по всему, никогда этим не пользовалась. Книги стояли ровными рядами, нетронутые, покрытые тонким слоем пыли. Библиотека фаворитки, которая не читала.

— Иметь такой шкаф и не сунуть в него нос, — пробормотала я, водя пальцем по корешкам. — Малика, Малика. Красотой сыта не будешь.

Я достала несколько книг наугад. «История Дома Эрайтариен», «Трактат о магических искрах», «Яды и противоядия Подземного королевства» — это отложим, пригодится. «Песни Лунного озера» — поэзия, верну на место. А вот это что? Толстый, тяжёлый фолиант в тёмно-синем переплёте с серебряным тиснением. Я вытащила его и прочла название: «Свод дворцовых уложений и этикет Двора Теней». Ого.

Звучало как «Уголовный кодекс» вперемешку с «Правилами поведения в приличном обществе». То, что нужно.

— Пора ознакомиться с правами и обязанностями на новой должности, — сказала я вслух и потащила фолиант к креслу.

Я устроилась у окна, поджав под себя ноги — благо пышные юбки позволяли, — и открыла первую страницу. Письменность дроу была мне знакома благодаря памяти Малики: та всё-таки освоила грамоту, хоть и не блистала умом. Буквы напоминали острые клинья, вонзающиеся в строку сверху вниз и справа налево. Поначалу глаза цеплялись за них с трудом, но постепенно привыкли. Я читала, шевеля губами, как школьница на уроке. Глава первая: иерархия дворца. Повелитель. Совет. Старшие Дома. Глава седьмая: статус наложниц. О! Это уже интереснее.

Наложницы делятся на три категории: «цветы» — те, кого Повелитель ещё не призывал; «звёзды» — те, кто уже был с ним; и «фаворитки» — те, кто получил отдельные покои и особый статус. Я была фавориткой, Кайлина тоже. Остальные — звёзды и цветы. Права и обязанности фавориток. Я жадно пробежала глазами по строкам. Фаворитка имеет право на отдельные покои, на прислугу, на ежемесячное содержание из казны, на защиту от посягательств других наложниц. Ага! Вот оно! «Покушение на жизнь, здоровье или достоинство фаворитки карается изгнанием или казнью». А это уже серьёзно. Если я докажу, что Кайлина или её свита

устроили саботаж в галерее, им грозит не просто выговор — изгнание.

Я так увлеклась, что не заметила, как за окном уже сгустились сумерки — значит, праздник в самом разгаре. До меня доносились отголоски музыки, смех гуляющих. А я сидела, уткнувшись в книгу, как примерная студентка перед сессией. Но я не жаловалась, мне нравилось навёрстывать то, что Малика упустила за три года. Нравилось чувствовать, как в голове укладываются новые знания. Я как раз добралась до пункта «О праве фаворитки на частную аудиенцию» — очень актуально! — когда дверь внезапно распахнулась без стука. Я подняла голову, на пороге стоял Дариан, Тёмный Повелитель собственной персоной. В соблазнительном чёрном бархате с серебряным шитьём, который я видела из окна. Его лицо было мрачным, а глаза метались между мной, книгой у меня в руках и раскрытыми дверями покоев, у которых больше не было стражи.

— Малика? — его голос прозвучал резко. — Почему у твоих дверей охрана? Я не видел тебя на празднике.

Я медленно закрыла книгу и поднялась, поправила юбки. Встретила его взгляд спокойно, хотя сердце забилось быстрее.

— Добрый вечер, Повелитель. Разве ты не должен быть среди гостей?

— Я задал вопрос, — он шагнул в комнату, и дверь за ним захлопнулась сама собой. — Почему ты здесь, а не на

празднике? И почему у дверей стояла стража?

Я взвесила варианты. Сказать правду? Пожаловаться на Морвейн, на Кайлину, на саботаж? Я ещё слишком мало знаю об обитателях дворца. Расследование дела со служанками показало: правда не всегда побеждает, иногда она просто бьёт невинных. Если я сейчас выдвину обвинения без доказательств — меня снова упекут в темницу, на этот раз за клевету на леди Эрайтариен. Нет. Жаловаться — невыгодно.

— Я разбила твою династийную вазу, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Морвейн наказала меня. Оставила здесь до конца праздника.

Дариан прищурился.

— Вазу?

— Очень старую. Кажется, ещё твой прадед из неё пил вино. Она просто выпорхнула из моих рук! — Я виновато накрутила идеальную прядь волос на пальчик.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом уголок его губ дрогнул.

— Ты могла разбить хоть десять ваз, — произнёс он низким голосом, делая ещё шаг вперёд. — Лишать меня удовольствия видеть тебя было неверным решением.

Я не стала комментировать, вместо этого чуть склонила голову набок и наградила его улыбкой, которая заставляла Дариана забывать о государственных делах.

— Ты хочешь сказать, что пришёл сюда ради удовольствия? — спросила я невинно.

— Я пришёл, потому что тебя не было в зале, — ответил он, и его голос прозвучал ниже, глубже, опаснее. — А Малика, которую я увидел в темнице, а потом пробовал в своих покоях, не могла просто затеряться среди других.

— Ты меня изучаешь?

— Изучаю, — он подошёл ещё ближе. Теперь между нами было не больше шага. Я чувствовала его запах и видела, как в свете свечей поблёскивают его глаза. — И это доставляет мне удовольствие.

Его тяжёлая, горячая, властная рука легла на мою талию. Он явно не собирался ограничиваться разговорами. Я положила ладонь ему на грудь — приостановила, но не оттолкнула.

— А как же праздник? — спросила я, чуть понизив голос. — Гости тебя потеряют. Это будет невежливо — исчезнуть с собственного приёма.

— Я Повелитель. Едва ли кто-то осмелится сделать замечание.

— Конечно, нет, — я улыбнулась. — Но давай поступим иначе. Встретимся после праздника в твоих покоях? Там нас никто не побеспокоит.

Он поджал губы. Ему не понравилось, что его отсылают, — я видела это по тому, как напряглись мышцы на шее. Но он был умён и понимал: я предлагаю разумный вариант для нас обоих.

— В свои покои я должен зайти с Кайлиной, — сказал он

наконец. — Чтобы не поднимать лишних слухов. Но у меня есть пятнадцать минут сейчас.

Я внутренне встрепелась. Опа. Должен зайти с Кайлиной. Не хочет, а должен. Это многое меняло. Значит, их связь — не только взаимная симпатия, но и политическая необходимость. Даже Повелитель вынужден соблюдать приличия перед Домом Эрайтариен. Очень интересно. Но сейчас было не время для анализа. Он стоял передо мной — мощный, красивый, голодный, — и смотрел так, словно эти пятнадцать минут были для него важнее всего праздника вместе взятого. И я решила: хватит думать. Пора действовать. Я посмотрела на него из-под ресниц и улыбнулась — чувственно, многообещающе. Ну что ж, мальчик. Пора тебе узнать, на что способна опытная женщина, а не твои юные девы, прячущие взгляд в пол.

— Пятнадцать минут, — повторила я. — Успеем. — И сделала шаг ему навстречу.

Спустя сорок минут я стояла у мраморной ванны, примыкавшей к моим покоям, и смывала с плеча Повелителя остатки пены. Вода была тёплой, благоухающей розовыми маслами, и я наслаждалась ею, омывая красивое тело Дариана, помогая дроу привести внешний вид в порядок. Пятнадцать минут. Ха. Наивный. От меня через пятнадцать минут не уходил ни один мужчина. Он вышел первым. Я накинула халат и отправилась к Дариану. Повелитель стоял у зеркала, пытаясь застегнуть камзол, и хмурился — то ли оттого, что

пуговицы не слушались, то ли оттого, что совсем не хотел уходить.

— Дай помогу, — я встала перед ним на цыпочки и ловко застегнула мелкие серебряные пуговицы. Затем поправила воротник, одёрнула рукава и провела ладонями по его плечам. — Вот так. Теперь ты выглядишь так, словно никуда не отлучался.

— А ты? — неожиданно спросил он.

— А я выгляжу так, словно провела вечер с самым соблазнительным мужчиной королевства, — я потянулась к его щеке. — Что, кстати, чистая правда.

Он хмыкнул. Потом наклонился ко мне — видимо, хотел поцеловать на прощание, — но я опередила его. Встала на носочки, обхватила его лицо ладонями и поцеловала так, как целуют мужчину, с которым только что провели сорок минут, а не какие-то жалкие пятнадцать. Чувственно, глубоко, так, чтобы он помнил этот поцелуй весь оставшийся вечер. И отпустила.

— Иди. Праздник ждёт.

Дариан посмотрел на меня со смесью восхищения, голода и немного вопроса, на который он пока не мог найти ответа.

— Я пришлю за тобой позже, — сказал он. — Как гости разъедутся.

Я осталась одна. Подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Раскрасневшаяся, с блестящими от счастья глазами, с лёгкой улыбкой на губах. Довольная.

— Что ж, Света, — сказала я своему отражению, — кажется, ты только что выяснила, что у Тёмного Повелителя есть обязательства перед Домом Эрайтариен, которые ему не нравятся. И что ты ему интереснее, чем весь праздник, вместе взятый. А это, знаешь ли, уже кое-что.

Я вернулась в кресло, взяла тяжёлый фолиант и продолжила чтение. До рассвета было ещё много времени, и я собиралась использовать его с пользой.

Глава 12

Утро после праздника встретило меня особенной тишиной, какая бывает, когда весь дворец отсыпается после бурной ночи. Я проснулась поздно, но выспавшейся и довольной. Вчерашний вечер определённо удался, и не только из-за Повелителя.

Первое, что я заметила, выглянув в коридор, — отсутствие стражи. Дариан, разумеется, отослал охрану. Я больше не под арестом. Можно было поваляться в постели ещё часок, но Света напомнила: утреннее собрание в гареме никто не отменял. Морвейн не прощает опозданий, особенно внезапно освобождённых, кого она собственноручно запирала в покоях.

Я оделась скромно, но элегантно — тёмно-серое платье без лишней вышивки, волосы заплела в простую косу — и спустилась в общий зал. Девушки, сонные, но оживлённые, уже собирались: обсуждали вчерашний праздник, гостей, наряды. При моём появлении некоторые замолчали. Я поймала несколько удивлённых взглядов — видимо, слух о моём аресте уже разлетелся, а теперь они гадали, почему я здесь.

Морвейн стояла у стола с новым списком поручений. Когда я подошла, она подняла голову и посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Леди Малика, — произнесла она сухо и позволила мне

взмахом руки присоединиться к гарему.

Ни слова о вчерашнем, об аресте. Ни слова о том, что Повелитель лично снял с меня стражу. Морвейн просто сделала вид, что так и надо. Я не стала провоцировать — пусть у неё остаётся иллюзия контроля.

Я ознакомилась со списком поручений и оглядела зал. Кайлины не было, место у восточного окна пустовало. Интересно, где её носит?

Я перевела взгляд на Астремею — и удивилась ещё больше. Она сидела в кружке девушек-полукровок и что-то оживлённо им рассказывала — кажется, про музыкантов на вчерашнем балу. Лицо дроу было расслабленным, даже дружелюбным. Она смеялась. Астремея! Смеялась! Без Кайлины она словно сбросила маску и стала обычной девушкой.

А вот Ниила выглядела совсем потерянной.

Она стояла в стороне, теребила рюши на рукаве и растерянно озиралась, словно ребёнок, который потерял мать в толпе. Без Кайлины она не знала, куда себя деть, без Астремеи, которая обычно помыкала ею, она не знала, что делать.

Я быстро пробежала глазами по списку и выцепила задание — разбор старых гобеленов в западном крыле. Скудная, пыльная работа, которую обычно поручали новеньким. Но сейчас это было мне на руку.

— Ниила! — окликнула я, подходя к ней.

Она вздрогнула и уставилась на меня круглыми глазами.

— Леди Малика? — её голос прозвучал неуверенно. Она

явно не ожидала, что я к ней обращаюсь.

— Ты занята? Мне поручили разобрать гобелены в западном крыле, одной не справиться. У тебя отличный вкус, а я рискую снять что-то не то. Поможешь?

Я намеренно повторила комплимент, который уже делала ей раньше — насчёт бабочек на занавесях. Сработало: в юных глазах Ниилы мелькнула искра радости.

— Я... да, наверное...

— Вот и отлично, идём.

Мы направились в западное крыло.

Я шла не спеша, давая Нииле время привыкнуть к моему обществу. Первые минуты она нервничала — теребила рукав, бросала на меня быстрые взгляды. Но я не давила, не задавала вопросов. Мы начали работу молча, я разворачивала гобелены, отмечала повреждения, сортировала по цветам. Постепенно Ниила увлеклась — её действительно интересовали ткани и вышивка, я верно заметила.

— Вот здесь нить порвана, — она показала на угол гобелена. — Но рисунок можно восстановить, если подобрать похожий шёлк. У меня есть такой в шкатулке.

— Отлично. Доверим это тебе.

Прошло ещё полчаса. Ниила расслабилась и даже начала напевать что-то себе под нос. Тогда я решилась.

— Жаль, что я пропустила вчерашний праздник, — сказала я небрежно, расправляя очередной гобелен. — Говорят, было весело. Какие гости приезжали?

Ниила охотно откликнулась. Она явно считала вопрос невинным — ну правда, Малика же пропустила праздник, ей интересно.

— О, много! — она оживилась. — Были послы из Лунного королевства, делегация горных друу, лорды с восточных границ. И, конечно, старшие Дома. Советник Вэлиан был с сыновьями и супругой.

Я зацепилась за последнего и решила уточнить.

— Советник Вэлиан? Это же...

— Дом Эрайтариен, — кивнула Ниила. — Он приезжал с семьёй. У него трое сыновей, все высокие, красивые, — она мечтательно вздохнула. — И супруга, леди Ма`аэлиор. Она всё время была рядом с Повелителем и Кайлиной.

Ага. Семья Кайлины присутствовала на празднике в полном составе. Наверное, поэтому Дариан и сказал, что должен зайти в покои с Кайлиной. Не хотел — должен, потому что рядом была её семья. Потому что Дом Эрайтариен — это сила, с которой приходится считаться даже Тёмному Повелителю.

— И как долго они пробудут? — спросила я, стараясь сохранить небрежный тон. — Кайлина, наверное, захочет погостить у родных?

Ниила посмотрела на меня с таким выражением, словно я спросила, не собирается ли луна упасть с неба.

— Ты шутишь? — она моргнула. — Кайлина — заложница. Ей не позволено выходить за стены дворца.

Я замерла, гобелен вывалился из ослабевших рук. Заложница. Чистокровная дроу из могущественного Дома, которая сидит в гареме, — не гостья, не избранница, а заложница. Значит, её присутствие здесь — гарантия лояльности Эрайтариен. Или наоборот — гарантия того, что Дом не выступит против Повелителя. Это многое объясняло, в том числе и то, почему Дариан обязан заходить с ней под руку на публике. И то, почему её семья приезжает во дворец — проверять, жива ли заложница. И то, почему она не опускается до склок с полукровками. Она не просто фаворитка. Она — фигура в политической игре.

— А я и не знала, — сказала я, вновь возвращаясь к гобелену. — Думала, она как мы.

— Как мы? — Ниила тихо рассмеялась. — Нет, конечно. Повелитель забрал её из дома, как только взойшёл на трон. Старший Эрайтариен претендовал на трон тоже, и для Повелителя этот жест — контроль власти.

— Астремей и ты — вы тоже...

— О нет, — она покачала головой. — Мы просто наложницы. Но когда Кайлина обратилась к нам за дружбой... — она замаялась. — Ты же знаешь, ей нельзя отказывать.

Я кивнула. Нельзя отказывать не потому, что она страшная, а потому, что за ней стоит сила. И Астремей с Ниилой стали её свитой не из дружбы, а из страха или из желания быть ближе к власти.

— Спасибо, Ниила, — сказала я искренне. — Ты мне

очень помогла.

— С гобеленами? — она улыбнулась.

— С гобеленами.

Мы закончили работу и расстались. Ниила вернулась в гарем в приподнятом настроении, а я медленно шла по коридору, переваривая услышанное.

Кайлина — заложница. Не хозяйка положения, не теневая королева — пленница, пусть и в золотой клетке. Это объясняло её холодность, её осторожность, её нежелание опускаться до базарных склок. Она не интриганка по природе — она выживает. И та ненависть, которую она испытывает ко мне, возможно, продиктована не только ревностью, но и страхом потерять статус, который обеспечивает ей защиту.

Но это не оправдывало её.

Саботаж в галерее, подмётные письма, казнённые служанки — за этим стояла она, заложница или нет. Или я ошиблась?

Оставался ещё один вопрос. Почему советник Вэлиан до сих пор не вытащил дочь из гарема? Если Дом настолько могущественен, почему Кайлина всё ещё здесь? Я вошла в свои покои, закрыла дверь и достала со шкафа книгу, которую отложила вчера. «История Дома Эрайтариен». Кажется, пришло время её прочитать.

Тяжёлый фолиант лёг на стол. Я уже открыла первую пожелтевшую, с выцветшими чернилами страницу, когда дверь с грохотом распахнулась. Я подскочила на месте от неожи-

данности. В комнату влетела растрёпанная, бледная, с расширенными от ужаса глазами Эла`атери. Она была без плаща, в одном лёгком платье, словно выбежала из своих покоев, не помня себя.

— Малика! — выдохнула она, хватая меня за руки. Пальцы у неё были ледяными. — Там... там такое...

— Тише, тише, — я усадила её в кресло. — Что случилось? На тебе лица нет.

Эла`атери попыталась отдышаться. Её губы дрожали, глаза бегали по комнате, словно искали опасность.

— Найли, — выговорила она наконец.

Я кивнула, обозначая, что понимаю, о ком речь. Я помнила её: наложница, которая не говорила на общем языке. Узкие глаза, смуглая кожа, вечно занятая каким-то рукоделием. Она относилась к третьему кругу — тем, кто не вписывался. Тем, кого держали в гареме скорее из милости, чем для удовольствия Повелителя.

— Что с ней?

— Её нашли в саду мёртвой. — Эла`атери всхлипнула. — Охрана говорит — яд.

Я чуть не рухнула на пол.

— Яд?

— Да. Кто-то отравил её! Она лежала в беседке, — Эла`атери запнулась, потом пробормотала что-то невнятное и рыдалась.

— Когда её нашли? — твёрдо спросила я, крепко удержи-

вая девушку за плечи.

— Только что. Садовник увидел её на рассвете, подумал, что уснула за чтением. А потом понял, что она не дышит. И... и на губах у неё была пена.

Я медленно опустилась в соседнее кресло. Яд, что выходит белой пеной на губах. Это слишком заметно. Зачем убивать ту, у которой не было ни связей, ни друзей, ни даже языка, чтобы позвать на помощь?

— Малика, — Эла'атери сжала мои пальцы, возвращая в реальность, — это ведь просто так, да? Это же простая оплошность?

— Тихо, — я погладила её по руке. — Не паникуй.

— Но как мне успокоиться?

Я не ответила, но в голове я пыталась найти хоть какую-то логику в происходящем. Найли отравили... зачем? Может, она что-то видела? Девушка, которая ни с кем не говорила, могла быть идеальным свидетелем — никто не обращал на неё внимания. Но если убийца заметил, что она что-то увидела...

— Где сейчас её тело? — спросила я.

— Всё ещё в саду. Охрана оцепила беседку. Советник Ирман уже там.

Ирман. Конечно, он там. Если это убийство — а это наверняка оно, — он обязан быть на месте преступления. Я должна пойти туда и увидеть всё своими глазами.

— Побудь у меня, милая, — сказала я, поднимаясь. —

Запри дверь. Никому не открывай, кроме Тильды. Она принесёт тебе успокаивающий отвар.

— А ты куда?

— В сад.

— Но там... там тело...

— Знаю. — Я накинула тёплый плащ поверх платья. — Именно поэтому я туда и пойду. Если кто-то виновен в смерти наложницы, я должна понять, кто и зачем.

Эла`атери побледнела ещё сильнее, но спорить не стала. Только прошептала:

— Это же просто случайность, Малика...

— Не переживай, скорее всего так и есть, — ответила я и вышла за дверь.

В саду было неуютно холодно, ветер гнал по мраморным дорожкам сухие лепестки — остатки вчерашнего праздника. Огромные цветочные арки, под которыми ещё вчера гуляли гости, теперь выглядели заброшенными и мрачными. Фонтаны молчали, и даже магические огни погасли. Праздник кончился, оставив после себя мусор и тело. Беседку я заметила издалека — её окружали стражники с каменными лицами. За их спинами мелькали тёмные фигуры, слышались приглушённые голоса. Я подошла ближе, и один из стражей преградил мне путь:

— Леди, вам нельзя...

— Пропустите, — раздался знакомый голос.

Ирман вышел из беседки. Его лицо было мрачнее тучи,

глаза холодны и сосредоточены. Светлые волосы, вчера распущенные, сегодня снова собраны в тугой хвост. На нём не было парадного бархата — только простой тёмный камзол и меч на поясе. Советник, который снова стал воином.

— Леди Малика, — он коротко кивнул, пропуская меня вперёд. — Вы вовремя. Мне нужен кто-то, кто знал погибшую.

— Я её почти не знала, — честно сказала я, проходя под мраморную арку. — Она не говорила на общем языке.

— Знаю. Мне нужны любые детали.

Я вошла в беседку и заставила себя посмотреть. Найли лежала на мраморной скамье, словно прилегла отдохнуть и уснула. Если бы не белая пена, запёкшаяся в уголке губ, можно было бы подумать, что она просто спит. Смуглая кожа стала серой, тонкие пальцы всё ещё сжимали край вышивки, которую она всегда плела у окна.

Но кое-что было не так. Я наклонилась ближе, вглядываясь в маленькую фигурку.

— Ирман, — тихо позвала я, — все её руки в мелких порезах. Приглядитесь.

Он подошёл, присел рядом.

— Верно.

— Она словно пробралась через колючий куст. Но зачем?

Он поднялся и кивнул страже:

— Проверьте все тернии. Узнайте, кто заходил в сад на рассвете. Выходила ли Найли из гарема этой ночью?

Я уже собиралась уйти, как Ирман чуть придержал меня за локоть.

— Леди Малика, благодарю. Могу ли я попросить у вас беседу наедине?

Глава 13

Весь день дворец гудел как растревоженный улей. Смерть Найли — молчаливой наложницы, которую при жизни почти никто не замечал, — всколыхнула гарем сильнее, чем любое другое событие за последние годы. Девушки сбивались в кучки, перешёптывались, бросали испуганные взгляды на двери, словно убийца мог войти в любой момент. Даже светлые эльфийки, обычно державшиеся с ледяным спокойствием, выглядели встревоженными. Морвейн ходила мрачнее тучи — смерть в гареме бросала тень на её репутацию, и она это понимала.

Эла`атери, просидевшая у меня до обеда, наконец пришла в себя. Я напоила её чаем, дала умыться и отправила в общий зал — там, среди других девушек, ей будет спокойнее, чем в четырёх стенах. Она ушла, всё ещё бледная, но уже не дрожащая, и обещала зайти вечером. Я кивнула, но знала: вечером меня, скорее всего, не будет. Остаток дня я провела за книгой — той самой «Историей Дома Эрайтариен». Но строчки плыли перед глазами, раз за разом возвращая мои мысли к убитой. Кому она помешала?

Я несколько раз выглядывала в окно. Ирман работал в саду до самого вечера — я видела, как он ходил вдоль живой изгороди, отдавал распоряжения страже, что-то обсуждал с возможными свидетелями. Один раз он скрылся в зарослях

терновника в северо-восточной части сада и не появлялся оттуда несколько часов. Он точно что-то там нашёл. Когда солнце уже клонилось к закату, а магические огни в саду только начинали зажигаться, в мою дверь негромко постучали. Я отложила книгу и поднялась навстречу. На пороге стоял Ирман.

Он выглядел уставшим, но собранным. Я не заметила расчёпанности или следов земли на рукавах — он явно успел привести себя в порядок перед визитом. Светлые волосы собраны в тугий хвост, камзол — свежий, тёмно-серый, без единой пылинки. Советник, который даже после дня расследования выглядит безупречно.

— Леди Малика, — он коротко поклонился. — Добрый вечер. Могу ли я войти?

— Конечно, — я посторонилась, пропуская его.

Он вошёл и остановился посреди комнаты, словно не зная, куда себя деть. Я указала на кресла у камина:

— Присаживайтесь. Вина?

— Благодарю, не сегодня, — он опустился в кресло, но остался напряжённым. Спина прямая, руки сжаты на коленях, взгляд — внимательный, но отстранённый.

— Как продвигается расследование? — спросила я, присаживаясь напротив.

— Идёт, — ответил он ровно. — Стража опрашивает свидетелей.

Ответил коротко, не раскрывая никаких деталей. Я внут-

ренне усмехнулась. Значит, так вот? Ты не хочешь мне рассказывать. Что ж, посмотрим.

— Выглядите уставшим, — заметила я, изобразив на лице заботу. — Весь день на ногах...

— Мне привычно.

— Но что же вы делали? Обходили сад?

Он чуть повернул голову к окну.

— Осматривал место преступления. Ничего особенного не нашёл.

Я кивнула и замолчала. В разговоре пауза — инструмент. Люди, особенно такие, как Ирман, не любят тишину, она давит на них, заставляет заполнять пустоту словами. Мне оставалось только ждать.

— Сад большой, — тихо сказал он наконец. — Пришлось проверить каждый угол.

— И что-нибудь нашли?

— Кое-что, — он чуть расслабился. — Но это технические детали, леди Малика. Вам не стоит забивать этим голову.

Я чуть не рассмеялась. «Не стоит забивать голову». Милый мой, я двадцать лет работала в бухгалтерии, где мужики точно так же говорили: «Света, это сложные цифры, не забивай голову». А потом я находила в их отчётах такие дыры, что они краснели до корней волос. Но сейчас я не стала спорить — просто улыбнулась и переменила позу, чуть наклонившись вперёд, демонстрируя декольте и интерес.

— Понимаю, — сказала я мягко. — Но мне всё равно любопытно. Я видела, как вы несколько часов провели в зарослях терновника. Наверное, нашли там что-то важное.

Ирман чуть прищурился. Его пальцы на колене едва заметно шевельнулись.

— С чего вы взяли, что я был в терновнике?

— Видела из окна, — я невинно пожала плечами. — У меня хороший обзор на сад.

Он помолчал, словно решая, стоит ли продолжать. Я видела, как в его голове борются профессиональная привычка не разглашать детали и доверие ко мне. Доверие, которое возникло между нами за последние недели.

— Мы нашли обрывки ткани, — сказал он наконец. — На колючем кусте. Это было её платье.

— Значит, она бежала через кусты, — я произнесла это не как вопрос, а как утверждение.

— Да. Найли пробиралась через терновник. Скорее всего, она слышала что-то, чего ей не следовало слышать, и попыталась скрыться. Ткань зацепилась за колючки. А с другой стороны кустов...

Он осёкся, словно понял, что говорит лишнее. Но было поздно.

— Вы нашли следы, — закончила я за него.

Ирман уставился на меня с таким выражением, словно я только что прочитала Достоевского на китайском.

— Как вы...

— Логика, — я пожала плечами. — Если Найли бежала от кого-то, значит, за кустами кто-то был.

Если её догнали и заставили выпить яд — предположу, их было по меньшей мере двое, потому что одному человеку было бы сложно одновременно держать жертву и вливать ей в рот отраву. Ирман посмотрел на меня молча. Потом уголок его губ дрогнул в одобрении.

— Я пришёл к таким же выводам, — сказал он тихо.

Он откинулся в кресле и несколько секунд рассматривал меня, словно видел впервые. Я чувствовала, как между нами меняется атмосфера с деловой на доверительную. Теперь мы не «советник и наложница», а двое взрослых людей, которые понимают друг друга без лишних слов.

— Вы правы, — сказал он наконец. — Мы нашли следы двоих мужчин, что стояли за кустами и разговаривали. Земля сухая, так что подробностей мало — только то, что обувь была не женской. Но я заметил интересную деталь: след от металлической набойки на каблуке одного. Такие туфли носят люди служивые.

— Кто-то из гостей дворца, — произнесла я.

— Да. Те, у кого был доступ в сад. Но это ничего не доказывает. Следы — не обвинение. Нужны свидетели или...

— Или признание, — закончила я. — А его не будет.

— Не будет, — согласился он.

Я поднялась и подошла к окну. За стеклом темнел сад, и где-то там, за колючими кустами, пряталась разгадка смер-

ти Найли. Двое мужчин и праздник, во время которого сад остался без присмотра. Что они обсуждали там?

— Ирман, — сказала я, не оборачиваясь, — зачем вы пришли?

Я услышала, как он поднялся из кресла. Почувствовала, как он подошёл и встал у меня за спиной — не касаясь, но достаточно близко, чтобы я ощущала тепло его дыхания на своей шее.

— Я пришёл просить вас уехать, — сказал он.

Я обернулась.

— Уехать?

— Да, временно. Пока гости не покинут дворец. Пока мы не выясним, кто убил Найли и кому это было выгодно. — Он замялся. — У Повелителя есть небольшой, но уютный летний домик в часе езды от дворца. Там безопасно, я помогу организовать охрану.

— Спрятаться, — резюмировала я.

— Это не трусость, Малика. Это разумная предосторожность.

Я отошла от окна и снова села в кресло. Ирман остался стоять. Нужно обдумать его слова. Уехать, покинуть дворец и переждать бурю в безопасном месте, пока он будет рисковать здесь один.

— Почему вы так заботитесь обо мне? — спросила я, глядя ему прямо в глаза.

Он не отвёл взгляда. Но и не ответил.

— Я задам вопрос иначе, — я подалась вперёд. — Чего вы на самом деле боитесь? Что убийца доберётся до меня? Или что я докопаюсь до правды и стану следующей?

Ирман молчал. Его пальцы сжались в кулак всего на секунду и разжались. Я видела, как ему трудно признать то, что он чувствует. Трудно сказать вслух то, что он держал в себе.

— Найли мертва, — произнёс он наконец. — Служанки мертвы. Вас уже один раз подставляли — вы чуть не были казнены. И если тот, кто убил её, решит, что вы что-то знаете...

— Но я ничего не знаю!

— Он этого не знает! — впервые за вечер Ирман повысил голос. — Он видит вас: вы не боитесь, задаёте вопросы, разговариваете со мной — а меня уже пытались отстранить от расследования.

— Пытались?

— Да. Сегодня утром советник Вэлиан предлагал Повелителю передать дело городской страже — под предлогом, что я слишком близок к гарему и не могу быть объективен. Дариан пока не согласился, но...

— Но давление уже есть, — закончила я. — Вэлиан хочет убрать вас из расследования.

— И захочет убрать вас из дворца, — тихо добавил Ирман. — Он не глуп. Он увидит, что вы вызываете интерес Повелителя...

Он осёкся. Подошёл ко мне — и вдруг, словно забыв обо

всех правилах приличия, взял мои руки в свои.

— Прошу вас, — произнёс он глухо, и его голос дрогнул. — Оставаться здесь опасно. Тот, кто убил Найли, мог видеть нас с вами в беседке. Он мог решить, что вы что-то узнали от меня. Если с вами что-то случится, я... — он запнулся, подбирая слово, — я не прощу себе.

Я смотрела на наши руки. Его длинные, изящные пальцы обхватывали мои ладони. Советник Ирман — самый умный, самый сдержанный человек при дворе — волновался. Из-за меня.

— Хорошо, — сказала я. — Я уеду.

Он выдохнул с облегчением.

— Спасибо. Я всё организую. Вы отправитесь завтра утром...

— Но у меня есть условие, — перебила я.

— Всё, что угодно.

Я поднялась из кресла. Он не отпустил моих рук и поднялся следом. Теперь мы стояли лицом к лицу — так близко, что я видела каждую тень от ресниц на его щеках, каждую чётточку его безупречного лица.

— Проведите со мной ночь.

Его пальцы сжались крепче. Такого он явно не ожидал. Я не отводила взгляда, не краснела, не смущалась, не пряталась за кокетством. Я была женщиной, которая знает, чего хочет. И я хотела этого мужчину. Хотела увидеть, каков он без своих книг, узнать, каков он, когда не сдерживается. Хо-

тела провести с ним ночь не как наложница с советником — как женщина с мужчиной.

— Леди Малика... — начал он, и голос его прозвучал ниже, глуше, словно слова застревали в горле.

— Просто Малика, — поправила я.

Он смотрел на меня, и в его серых глазах боролись разум и желание. Разум говорил: это невозможно, это опасно, это против всех правил. А желание смотрело на меня его собственными глазами и молчало. Потому что слова были не нужны. В камине треснуло полено, пуская сноп искр. За окном опускалась ночь. А мы стояли друг напротив друга — и он всё ещё держал мои руки в своих.

Глава 14

Ирман замер. Его пальцы всё ещё сжимали мои ладони, а в серых глазах застыло смятение, какое бывает у мужчины, который только что услышал от женщины предложение, преворачивающее все его представления о приличиях.

— Леди Малика, — произнёс он медленно, и я услышала, как трудно ему даётся каждое слово, — я должен напомнить вам... измена Повелителю карается казнью.

Я удивлённо моргнула, а потом искренне, от души расхохоталась. Легко, как смеялась когда-то с Анькой на нашей тесной кухне после третьего бокала вина.

— Измена? — переспросила я, отсмеявшись, и вытерла выступившую слезу. — Ирман, дорогой мой, а кто говорит об измене?

Он нахмурился, явно сбитый с толку.

— Но вы сказали...

— Я сказала: проведите со мной ночь, — я выпустила его руки и направилась к книжному шкафу. — И вы проведёте её со мной, но не так, как вы подумали. Этой ночью вы нужны мне исключительно как человек, разбирающийся в дворцовых делах.

Я распахнула створки шкафа и начала вытаскивать книги, которые отложила за последние дни. «Свод дворцовых уложений и этикет Двора Теней», «История Дома Эрайтариен»,

«Трактат о магических искрах», «Яды и противоядия Подземного королевства» — стопка росла, пока не превратилась во внушительную башню на столе. Ирман смотрел на это с таким выражением лица, словно я только что превратила его меч в детскую игрушку.

— Книги?

— Ну разумеется, — я улыбнулась и похлопала по стопке. — Я раньше не интересовалась ничем, кроме нарядов и драгоценностей. А теперь хочу наверстать всё, что упустила за эти годы, и вы — единственный человек в этом дворце, который может мне помочь.

Он медленно подошёл к столу, провёл пальцами по корешкам.

— «История Дома Эрайтариен», — прочитал он. — Личный интерес, стало быть.

— Я серьёзная женщина, Ирман, — я опустилась в кресло, поджав под себя ноги. — Итак, с чего начнём?

Советник ещё секунду колебался. Потом взял нужную, на его взгляд, книгу, сел в кресло напротив, и я заметила, как его плечи чуть опустились — он расслабился. Угроза измены миновала, он снова был в своей стихии, в мире книг и знаний. Но по тому, как он чуть поджал губы, как отвёл взгляд, делая вид, что изучает оглавление, я заметила лёгкое, тщательно скрываемое разочарование. Он приготовился к одному, а получил другое, и хотя разум его радовался, что не придётся нарушать правила, что-то в нём — что-то глубоко муж-

ское — было слегка уязвлено. Я сделала вид, что не заметила его горечи. Всему своё время.

— Расскажите мне о Кайлине, — попросила я, открывая «Историю Дома Эрайтариен». — Не то, что написано в книге. То, что знаете лично вы.

Ирман отложил фолиант и задумался. Огонь в камине бросал тени на его лицо, в таком свете оно казалось старше и суровее.

— Дом Эрайтариен, — начал он, — один из древнейших в Подземном королевстве. Их корни уходят в те времена, когда друу ещё не разделились на кланы. Глава Дома, советник Вэлиан, — влиятельный политик. У него трое сыновей. Старший, Рила'адерон...

Он замолчал, словно подбирая слова.

— Что Рила'адерон? — подтолкнула я.

— Он претендовал на трон, — тихо сказал Ирман. — Когда старый Повелитель умер, не оставив прямого наследника, началась борьба за власть. Рила'адерон был сильным соперником. У него были деньги, связи, поддержка нескольких Старших Домов. А у Дариана — только армия и... я.

— Вы? — изумилась я.

— Я использовал все доступные ресурсы, чтобы помочь ему удержать трон, — Ирман говорил спокойно, но в голосе слышалась горечь. — Дипломатия, переговоры, тайные соглашения, компромат на колеблющихся... Всё, что угодно. Битва за трон была долгой и грязной. В ход шло всё: кто за-

воюет больше земель, чьё влияние в Совете сильнее, кто лучше мыслит в дипломатии. В конце концов Дариан победил. Но победа не выглядела оглушительной. Рила'адерон отступил, но не сдался. Его сторонники остались в Совете, и угроза нового переворота висела в воздухе.

— И тогда Дариан решил жениться на Кайлине, — закончила я.

— Да. Единственная дочь Дома Эрайтариен, сестра его соперника — весомый козырь. Брак с ней скрепил бы союз между Дарианом и Эрайтариен, сделал бы Рила'адерона не врагом, а шурином. Это был умный политический ход. Он забрал её из дома, привёз сюда и разместил в гареме.

— В гареме? Почему не в отдельных покоях?

— Таковы правила, — Ирман изумился моему невежеству, но продолжил. — По традициям дроу невеста Повелителя должна провести некоторое время в гареме чисто формально. Это символ того, что она — часть его Дома, а не просто политическая партия. Она должна была находиться там несколько месяцев, а потом предстать перед двором в статусе официальной невесты.

— Но что-то пошло не так.

— Да, — Ирман отвёл взгляд. — Дариан... быстро заскучал. Кайлина — умная, образованная, но очень холодная женщина. Она не хотела льстить, не умела притворяться, не пыталась ему угодить. А он привык, что женщины его обожают. Прошло несколько месяцев, потом ещё несколько. Он

не торопился объявлять о помолвке. Кайлина осталась в гареме, но её статус становился всё более неопределённым. А потом...

— Что? — я подалась чуть вперёд от нетерпения.

— Привезли вас, — тихо сказал Ирман.

Память Малики услужливо подкинула информацию. Родной отец продал её в гарем, когда ей было двадцать. Она была красива, как закат в пустыне, и жизнерадостна, как птица. Дариан... увлёкся, у них начался роман. Малика стала фавориткой, а Кайлина осталась в статусе «вечной невесты». Её не выгнали, не разжаловали — просто перестали замечать. Дариан продолжает появляться с ней на официальных мероприятиях, потому что этого требует политика, но тёплых чувств между ними нет. Иногда она ночует в его покоях, но никто не знает, о чём они говорят. Может быть, обсуждают дела Дома, может быть, сидят в разных углах и молчат. Кайлина никого к себе не подпускает, так что слухи не подтверждены.

Я откинулась в кресле. Внутри закипала злость. Вот же сволочь. Взял девушку из дома под предлогом брака, запер в гареме, а потом увлёкся молоденькой, весёлой, пышногрудой пустышкой. И теперь бедняжка Кайлина сидит в золотой клетке и ждёт неизвестно чего. Ни статуса жены, ни свободы. Заложница, даже не фаворитка — просто пешка, которую использовали и забыли. Явился и укол совести. Эта «пышногрудая вертихвостка», на которую Дариан променял

невесту, — я. Вернее, Малика. И пусть я не была виновата — прежняя Малика вообще вряд ли понимала политический контекст своего появления в гареме, — но факт остаётся фактом: мы с Кайлиной оказались по разные стороны баррикад из-за одного мужчины, который не удосужился проявить уважения ни к одной из нас.

Мне стало искренне жаль её. Бедная девочка. Заперта в чужом доме, вдали от семьи, без друзей, без будущего. Единственное, что у неё осталось, — гордость. И она держалась за неё изо всех сил. Неудивительно, что она ненавидит меня, и неудивительно, что ненавидит и Дариана. А саботаж в галерее? Подмётные письма? Могла ли она, заложница, пойти на такую подлость? Или за ней стоял кто-то другой — отец, брат, советник Вэлиан, который до сих пор не смирился с поражением?

— Леди Малика? — голос Ирмана вырвал меня из размышлений. — О чём вы задумались? У вас такое лицо, словно вы только что получили известие о смерти родственника.

Я мотнула головой, прогоняя мрачные мысли. Внутренняя Светлана горько усмехнулась: «Как это типично для мужчин. Бросать преданную, верную, воспитанную женщину ради вертихвостки с пышной грудью. Ладно, Света, разберёмся и с этим».

— Я никогда не задумывалась о судьбе Кайлины, — сказала я вслух. — О том, каково ей здесь.

Ирман опустил глаза, и я заметила, что тема Кайлины до-

ставляет ему боль.

— Я не оправдываю этот шаг Повелителя, — сказал он тихо. — И никогда не оправдывал. Это крайне жестоко, но я — советник. Могу давать рекомендации, но не могу оспаривать решения Повелителя в личных делах.

— Конечно, — легко согласилась я.

— Но я до сих пор пытаюсь решить этот вопрос, — признал он.

В паузе я почувствовала, как усталость накатывает волнами — слишком много событий для одного дня: смерть Найли, расследование, разговор с Ирманом, открытие о Кайлине.

— Давайте вернёмся к книгам, — сказала я, встряхиваясь. — У нас впереди ночь, а я ещё не знаю, чем отличается приветствие Старшего Дома от приветствия младшего советника.

Ирман впервые за вечер по-настоящему, без напряжения улыбнулся.

— Это целая наука. Вы уверены, что готовы?

— Я не пустоголовая девица, — напомнила я. — Меня хлебом не корми — дай изучить какой-нибудь свод правил.

Он рассмеялся и открыл «Свод дворцовых уложений». А я, глядя на него, думала: вот так и надо. Мы двое взрослых людей, которые увлечены книгами под треск камина. Но почему тогда внутри так тепло? Ночь пролетела незаметно, мы и правда занимались только книгами: Ирман пояснял мне

тонкости дворцового этикета, я задавала вопросы, он удивлялся моей хватке и говорил, что у меня «ум, достойный советника». Я смеялась и отвечала, что в прошлой жизни меня бы точно взяли в ближний круг совета.

Мы разобрали три главы «Свода уложений», отметили на полях ключевые пункты. Я узнала, как правильно приветствовать гостей разных рангов, как обращаться к советникам и Старшим Домам, какие цвета позволено носить фаворитке на официальных приёмах, а какие — только Повелителю. Ирман пояснял, я запоминала. Иногда мы отвлекались на обсуждение политики, но быстро возвращались к книгам. Под утро я заметила, что буквы плывут перед глазами. Я зевнула, прикрыв рот рукой.

— Простите. Кажется, я начинаю сдавать.

Ирман не зевал — он был слишком хорошо воспитан, чтобы позволить себе такое при даме. Но я видела, как его веки тяжелеют, а движения становятся медленнее. Он тоже хотел спать, но держался из последних сил.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — сказала я, закрывая книгу. — Спасибо вам, Ирман, за эту ночь.

Он поднялся. За окном уже светало — первые лучи солнца пробивались сквозь занавеси, окрашивая комнату в розоватые тона.

— Это я должен вас благодарить, — сказал он. — За то, что вы... — он запнулся, — за то, что вы оказались бриллиантом, достойным дорогой оправы.

Я тоже встала. Мы стояли лицом к лицу — уставшие, но странно счастливые. Ирман посмотрел на меня, я снова заметила в его глазах сожаление, которое видела ещё в начале ночи. Он осторожно, почти благоговейно взял мою руку и поднёс к губам. Поцелуй был лёгким, едва ощутимым, но от него у меня всё перевернулось внутри. Губы Ирмана коснулись моей кожи на долю секунды, а я почувствовала, как по телу разливается тепло. Не жар страсти, а нежность, благодарность.

— Я выйду проводить вас, — сказал он, отпуская мою руку. — Вы приняли правильное решение.

— Вы тоже, — ответила я.

Он задержал на мне долгий, полный невысказанных слов взгляд, а потом коротко кивнул и вышел за дверь, оставив меня в тишине рассвета. Я подошла к окну: небо на востоке уже порозовело. В саду затихли последние ночные птицы. Где-то там, за колючими кустами, пряталась загадка, которую мы пока не разгадали.

Глава 15

Утро после нашей ночной работы с Ирманом выдалось хмурым и сонным. Я позволила себе час забыться в кресле, закутавшись в плед, пока Тильда собирала мои вещи. Служанка носилась по покоям как угорелая: складывала платья, упаковывала книги, пересчитывала флаконы с благовониями. Я смотрела на неё сквозь полуприкрытые веки и лениво думала, что сборы в этом мире напоминают летний переезд на дачу. Только вместо рассады и банок с соленьями — шёлковые наряды и фолианты по дворцовому этикету.

Отъезд был тайным, так распорядился Ирман: чем меньше людей знает, что фаворитка покидает дворец, тем безопаснее. Никаких прощаний в парадном зале, никаких скоплений народа у ворот. Покидала дворец я через чёрный ход, на скромном экипаже без гербов, в сопровождении небольшого отряда охраны, отобранного лично советником. Я не спорила: тихо — значит тихо.

Первым прощаться пришёл Ирман. Он свежий, собранный, словно и не было бессонной ночи над книгами, появился в дверях моих покоев за час до назначенного отъезда. В руках он держал стопку из трёх фолиантов, перевязанных кожаным ремешком.

— Возьмите, — сказал он, протягивая мне книги. — Это то, что может пригодиться. «История Подземного королев-

ства», «Трактат о дипломатическом этикете» и «Родословная Старших Домов» — там есть пометки на полях, я сделал их специально для вас.

Я приняла книги и провела пальцами по корешкам. Потёртая кожа, выцветшие буквы. Настоящие серьёзные книги, не для красоты.

— Спасибо, — сказала я. — Вы подумали обо всём.

— Я старался.

Он стоял у двери, не решаясь войти дальше. Между нами повисла лёгкая неловкость, что всегда возникает после ночи, проведённой вместе, пусть даже и над книгами. Я шагнула к нему и протянула руку.

— Я буду скучать по нашим разговорам, Ирман.

Он осторожно, как хрупкую вещь, которую боится уронить, взял мою ладонь.

— Я тоже, леди Малика. Пишите мне, если что-то понадобится, я найду способ передать ответ.

— Непременно.

Он чуть сжал мои пальцы и отпустил. В его серых глазах читалось то же сожаление, что и на рассвете, но теперь к нему примешивалась тёплая, дружеская забота. Он коротко, сдержанно поклонился и вышел. Я вздохнула. Пора привыкать. Второй и последней гостьей стала Эла`атери. Она влетела в покои за десять минут до моего выхода, и на глазах у неё уже блестели слёзы.

— Малика! — она кинулась мне на шею. — Я так боюсь

за тебя! Ты будешь там одна, среди чужих людей, но и здесь убийца... — она всхлипнула и уткнулась мне в плечо.

— Тише, тише, — я погладила её по светлым волосам. — Я не одна, со мной будет Тильда и охрана. Я буду в полной безопасности, обещаю.

— Я буду писать тебе письма, — прошептала она. — Каждый день! Или через день...или как получится. Ты только отвечай, ладно?

— Обязательно.

Она отстранилась и посмотрела на меня заплаканными глазами.

— Ты изменилась, Малика. Стала такой...

— Какой «такой»? — я улыбнулась.

— Сильной, — сказала она и кивнула.

Я не нашлась с ответом, вместо этого молча, крепко обняла её ещё раз и выпроводила за дверь.

Через полчаса мы с Тильдой уже сидели в экипаже. За окнами проплывали дворцовые стены, потом — городские кварталы, потом — поля и перелески. Дорога стелилась ровно, экипаж катился мягко, а я смотрела на проплывающий мимо пейзаж и думала, что впервые за долгое время чувствую себя... спокойно. Никто не следит за каждым шагом, не плетёт интриг. Ни соперниц, ни убийц, ни замурованного этикета. Хотя нет, этикет мне как раз-таки нужно изучать.

— Госпожа, — Тильда тронула меня за рукав, — смотрите!

Я выглянула в окно. Экипаж как раз въезжал в распахнутые ворота, и перед нами открывался вид, от которого у меня перехватило дыхание. Летний «домик»? Передо мной стоял маленький дворец. Двухэтажное здание из светлого камня, увитое плющом, с высокими окнами, в которых уже зажигались первые вечерние огни. Вокруг — ухоженный сад, меньше дворцового, но куда более уютный: цветущие кусты, мраморные скамейки, журчащий фонтан. Нет мрачной дворцовой роскоши и давящего величия. Здесь всё дышало покоем. Здесь хотелось пить чай на веранде и читать книги, лёжа в гамаке.

— Это вы называете «летний домик»? — пробормотала я. — Да у нас в такое поместье весь отдел кадров поместился бы с бухгалтерией в придачу.

Экипаж остановился. Дверь открылась, и я ступила на мощёную дорожку. Нас встречали трое: они стояли у входа — не выстроившись в парадную линию, как полагалось по этикету, а свободно, почти по-домашнему. Две женщины и один мужчина. Одежда простая, но добротная: мягкие ткани, приглушённые тона. Без гербов и цепей с печатями. И никто из них не поклонился!

Я внутренне собралась. Отличный шанс отточить навыки этикета! Сейчас я покажу, чему научилась за ночь. Приветствие Старшему Дому — лёгкий наклон головы, правая рука к сердцу. Если передо мной советник — поклон глубже, но без подобострастия. Если слуга — короткий кивок.

Я расправила плечи, приподняла подбородок и уже открыла рот, чтобы произнести длинное церемониальное приветствие, как мужчина шагнул вперёд и сказал:

— Доехали, отлично. Ужин через час, пока располагайтесь. Комнаты на втором этаже, та, что с видом на сад, — самая лучшая. Берите её, пока другие гости не заняли.

Я замерла с открытым ртом. Ни «леди Малика», ни «добро пожаловать», ни церемонного поклона. Ноль этикета. Меня только что встретили так, словно я приехала на дачу к старым друзьям. Вот тебе и «Свод дворцовых уложений».

Я присмотрелась к мужчине: высокий, стройный, с тёмными волосами до плеч. Не такой мощный, как Дариан — без его каменной квадратной челюсти и брутальной ауры. Черты лица у него были тоньше, изящнее, но в них угадывалось фамильное сходство. Линия носа, разрез глаз. То, как он держал голову — чуть набок, с лёгкой усмешкой. Передо мной стоял родственник Повелителя. Не близнец, конечно, но сходство было очевидным.

— Какой у вас статус, леди? — спросил он, оглядывая меня с откровенным любопытством.

Я наконец опомнилась и ответила:

— Фаворитка Повелителя. Леди Малика.

Родственник Дариана разочарованно вздохнул. Словно я сообщила ему, что на ужин будет не фазан, а каша.

— Фаворитка, — повторил он. — Что ж, у брата хороший вкус. — Он оглядел меня с ног до головы и с прищуром до-

бавил: — Очень хороший. Жаль.

— Простите? — я удивлённо приподняла бровь.

— Ничего, — он улыбнулся. — Простое наблюдение. Меня зовут Тир`аниэль. Я младший брат Повелителя Дариана. Добро пожаловать в наше скромное убежище.

Я перевела взгляд на двух женщин. Они стояли чуть поодаль и разглядывали меня с тем же любопытством, но без враждебности. Одна — постарше, лет сорока, по человеческим меркам, на вид, с серебристыми волосами, заплетёнными в длинную косу, и умными, тёплыми глазами. Вторая — моложе, возможно, чуть старше меня нынешней, с вьющимися каштановыми волосами и живой, открытой улыбкой.

— А это, — Тир махнул рукой в их сторону, — леди Селейна и леди Амари. Моя жена и её сестра. Они очаровательны, вы подружитесь.

— Жена? — я моргнула. — Вы женаты?

— Разумеется, — рассмеялся он. — Но да, здесь обо мне мало кто знает. Мы предпочитаем тихую жизнь вдали от дворцовых интриг.

Леди Селейна шагнула вперёд и мягко, по-дружески улыбнулась мне.

— Добро пожаловать, леди Малика, — сказала она. Голос у неё был спокойный, как тёплая вода. — У нас тут проще, чем во дворце. У вас, наверное, голова кругом после столичной суеты?

— Есть немного, — призналась я.

— Тогда давайте сделаем так, — она взяла меня под руку, словно мы были старыми знакомыми. — Сначала покажем вам комнаты, потом отужинаем. А завтра — осмотритесь и решите, чем хотите здесь заниматься. У нас тут скучно не бывает, но суета совсем другого рода.

Я позволила увести себя в дом, всё ещё переваривая происходящее. Брат Повелителя, о котором я ничего не знала. Его жена и её сестра. Они жили здесь так, словно дворец с его интригами и смертями был где-то на другой планете. И я подумала: интересно, почему Дариан никогда не упоминал, что у него есть брат? И почему этот брат живёт не во дворце, а здесь, в уютном поместье, окружённый любящей семьёй? Может, он в опале? Может, его сослали? А может — он сам выбрал такую жизнь. Жизнь, в которой не надо носить маску и ждать удара в спину.

Тильда, которая шла за мной по пятам, тихо ахнула, когда мы вошли в гостиную. А я, оглядев уютные кресла, камин, зажжённые свечи и раскрытую книгу на столе, вдруг почувствовала, как напряжение последних недель начинает медленно отпускать. Здесь можно дышать свободно, думать, и, возможно, здесь я найду ответы, которых не нашла во дворце.

Глава 16

Всё, что я почувствовала, проснувшись — бодрость. Вокруг было тихо, в отличие от дворца, в котором всегда слышны шаги стражи, шёпот слуг и отдалённый шум гарема. Блаженная тишина загородного поместья. За окном пели птицы, журчал фонтан, а в комнате уже пахло свежей выпечкой — Тильда уже успела сбегать на кухню и принести завтрак. Я потянулась в постели, чувствуя, как каждая мышца благодарит меня за лишний час сна. За отсутствие Морвейн с её нудным «леди Малика, вы опоздали». Я была предоставлена самой себе.

— Тильда, — позвала я, садясь в кровати, — который час?

— Уже десять, госпожа! — служанка выглянула из-за ширмы. — Но господин Тир`аниэль велел передать, что вас никто не торопит. Завтрак на столе, вода для умывания готова. Отдыхайте.

Я хмыкнула. Отдыхать, конечно, хорошо, но у меня были немного другие планы на этот день. С удовольствием отведав свежие булочки с маслом, мёдом и ягодным чаем — я устроилась в кресле у окна. Вид на сад успокаивал: аккуратные дорожки, цветущие кусты, мраморный фонтан в окружении скамеек. Внизу прогуливались обитатели поместья — я заметила Селейну с корзиной для цветов и Амари, которая что-то оживлённо рассказывала сестре.

Я взяла стопку книг, привезённых Ирманом, и нашла ту, что интересовала меня больше всего: «Родословная Старших Домов». Толстый фолиант в тёмно-зелёном переплёте, пахнущий старыми чернилами. Я открыла его и погрузилась в изучение. Первым делом меня интересовал сам Ирман, точнее, его род. До этой ночи я знала только, что он советник, что он умён, что на его камзоле есть фамильная фибула — изящная серебряная брошь, которую я заметила ещё при первой встрече. На ней был изображён скрещённый свиток и перо в обрамлении дубовых листьев. Я запомнила этот герб во всех подробностях и сейчас искала его на страницах.

Нашла. Глава седьмая: «Род Файси'аэрион».

Герб: скрещённые свиток и перо, дубовые листья — символ мудрости и знаний. Девиз: «Слово крепче стали». Я улыбнулась — это звучало очень в стиле Ирмана.

«Род Файси'аэрион — один из древнейших родов Подземного королевства, известный с эпохи Первого Совета. Представители рода никогда не претендовали на трон, но из поколения в поколение служили ближним кругом Повелителей: советниками, наставниками, хранителями архивов, учителями наследников. Их мудрость и честность вошли в легенды. В отличие от многих Старших Домов, Файси'аэрион никогда не стремились к богатству. Их состояние — знания, а власть — слово».

Я откинулась в кресле. Значит, Ирман — из древнего, ува-

жаемого, но не слишком состоятельного рода. Вся его жизнь — служение. Вся его гордость — честность. И при этом он служит Повелителю, который однажды повесил двух невинных служанок просто потому, что так было удобно. Как ему это удаётся? Как он сохраняет верность и при этом не теряет себя? Или теряет — по капле, каждый раз, когда закрывает глаза на очередную несправедливость?

Вспомнилось, с какой горечью он говорил о Дариане, когда речь зашла о Кайлине: «Я не оправдываю, но я советник. Я не могу оспаривать решения Повелителя в личных делах». Да, Ирман, не можешь. Но я не ты, девочку нужно спасать.

Я пролистала ещё несколько страниц. Эрайтариен — о них говорилось в отдельной главе, и я пробежала её глазами, отмечая детали: древний род, огромное состояние, политические амбиции. Рила'адерон, старший сын, действительно претендовал на трон. Его поражение в битве за власть описано сухо, без подробностей — только даты и дипломатические последствия. Дальше я просмотрела ещё несколько любопытных мне фамилий, запоминая родовые детали. Я закрыла книгу и задумалась. Теперь у меня было больше информации о том, с кем придётся иметь дело. Но что с ней делать? Как использовать знание себе на благо?

К обеду я спустилась в столовую. Тильда помогла мне выбрать платье — тёплого золотисто-горчичного цвета, с длинными рукавами и скромным вырезом. Достаточно элегантное, чтобы не уронить статус фаворитки, но достаточно

простое, чтобы не выглядеть павлином среди домашней обстановки. Столовая оказалась под стать поместью: большая, светлая, с высокими окнами и длинным дубовым столом. За ним уже собралась компания — человек десять-двенадцать. Я окинула взглядом собравшихся и мысленно присвистнула. Такой разношёрстной компании я не видела даже в гареме.

Здесь были дроу — несколько человек, включая Тира, который сидел во главе стола. Здесь были люди — пара мужчин в простой, но добротной одежде, похожие на управляющих. Здесь были полукровки — молодая женщина с роскошными глазами и серебристыми волосами, сидевшая рядом с высоким мужчиной, в котором я с трудом, но узнала одного из охранников, что сопровождал наш экипаж. И, что примечательно, здесь не было ни одного светлого эльфа. Видимо, в этом доме собрались те, кто по разным причинам не вписывался в большой дворец.

Самой удивительной была атмосфера, лишённая чопорного молчания и советского этикета. Люди смеялись, передавали друг другу блюда, переговаривались через стол. Один из мужчин рассказывал какую-то историю, и остальные слушали его, не стесняясь перебивать и вставлять шутки.

— Леди Малика! — Тир`аниэль заметил меня и помахал рукой. — Идите сюда, ваше место за столом тут.

Он указал на свободный стул, и я села, чувствуя себя немного неловко. Но неловкость быстро прошла — сидевший напротив полукровка с огненно-рыжими волосами (по-

что как у меня, только короче) немедленно спросил:

— Это вы та наложница, которую чуть не казнили?

Я чуть не поперхнулась вином. Вот так в лоб?

— Да, — ответила я, сохраняя спокойствие. — Это я.

— А правда, что вы назвали Повелителя мальчишкой?

— Правда.

— И он вас за это не наказал? — подал голос кто-то слева.

— Наказал, разумеется, — я развела руками. — Но эта история не для посторонних ушей.

За столом раздались смешки. Тир усмехнулся в бокал, а Селейна легонько толкнула мужа локтем.

— Оставьте леди в покое, — сказала она. — Она только приехала.

— Ничего страшного, — я улыбнулась. — Я привыкла к вопросам.

Обед прошёл в том же духе: шутки, расспросы, свободные разговоры. Селейна и Тир держались со всеми на равных — никакого барьера между хозяевами и гостями. Я заметила, как Селейна смеётся над шуткой одного из слуг, как Тир обсуждает с пожилым дроу-садовником новые розы для сада. В этом доме не было иерархии или была, но совсем иная, не основанная на титулах.

После обеда Селейна подошла ко мне и предложила прогуляться по саду. Я согласилась. Мы шли по мраморным дорожкам, мимо цветущих кустов и фонтанов, и она расспрашивала меня — не с допросом, а с искренним интересом.

— Чем вы планируете заниматься здесь, леди Малика? — спросила она. — У нас, конечно, не основной дворец, но без дела сидеть просто скучно.

Я задумалась. Чем может заняться сорокасемилетняя женщина в теле молодой красавицы? Вышивать я не любила. Музицировать не умела. Но у меня были другие таланты.

— Я неплохо разбираюсь в цифрах, — сказала я наконец. — В счетах, расчётах, могу помочь с организацией хозяйства.

Селейна оживилась:

— Правда? Нам как раз нужен кто-то, кто поможет привести в порядок счета и записи по хозяйству. Прежний управляющий уехал, и его бумаги в ужасном состоянии. Вы бы не хотели взглянуть?

Я улыбнулась. Вот оно: родная стихия.

— С удовольствием, — ответила я.

Мы как раз проходили мимо живой изгороди, когда по дорожке навстречу нам вышел молодой и весьма привлекательный дроу. Стройный, с короткими тёмными волосами и яркими синими глазами. Одет он был не как слуга — одежда выдавала в нём человека с положением, — но и не как аристократ, скорее, он из свободных жителей поместья. Дроу поравнялся с нами и, вместо того чтобы поклониться или отвести взгляд, игриво подмигнул Селейне. И как ни в чём не бывало прошёл дальше. Я заметила, как Селейна задумчиво закусила губу, провожая его взглядом. Это длилось всего се-

кунду, но я успела уловить: между ними что-то есть. Я промолчала, не моё дело. Но внутренняя Света сделала пометку: «Селейна и молодой дроу — любопытно».

Весь день я провела за книгами. Вечером, когда солнце уже село, а магические огни осветили сад мягким золотистым светом, я решила одна прогуляться перед сном. Тильда уже спала в своей комнатке, примыкавшей к моей, и идти одной было непривычно, но приятно. Никто не следит, и можно наконец просто насладиться вечерней прохладой. Сад вечером был прекрасен: сочные цветы закрывали бутоны, ночные растения начинали источать тонкие ароматы, а магические огни — маленькие светящиеся шары, парящие в воздухе, — покачивались над дорожками, разбрасывая тёплые искры. Я засмотрелась на один такой шар, висевший прямо передо мной. Он был похож на крошечное солнце, и мне вдруг захотелось дотронуться до него.

Я протянула руку... И услышала приглушённый стон со стороны беседки. За месяц во дворце я научилась распознавать звуки: болтовня слуг, шёпот влюблённых парочек, переговоры стражи на обходе. Но этот звук был слишком интимным, слишком откровенным.

Движимая любопытством — да я и в прошлой жизни любила совать нос не в свои дела, — я осторожно, стараясь не шуметь, подошла ближе. Беседка была увита плющом, и сквозь листву пробивался мягкий свет магического шара. Я отодвинула ветку — и застыла. Тир сидел на скамье, отки-

нувшись на спинку. На его коленях, обхватив его бёдрами, сидела невероятно красивая эльфийка. Я узнала её: серебристые волосы, раскосые глаза — это полукровка, которую я заметила за обедом. Одна рука Тира лежала на её талии, вторая скрылась под юбкой девушки, и та тихо стонала, закинув голову назад. Её пальцы путались в его волосах. Его губы скользили по её шее.

Я отшатнулась. Сердце забилось громче. Тихо, стараясь не дышать, я попятилась, развернулась и быстрым шагом, затем бегом направилась обратно к дому.

В голове стучало: «Что у них тут творится?»

Тир — женатый мужчина, младший брат Повелителя. И эта полукровка, что, не имея статуса, сидела за обедом рядом с обычным охранником. Но перед моим взором также предстала Селейна днём, закусившая губу при виде молодого дроу. Я вошла в свои покои, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Вот тебе и «тихое убежище», и «семейная идиллия». Здесь было проще, чем во дворце, но и запутаннее. Любовники, измены, тайные желания. Здесь это не прятали тщательно или прятали, но не от меня. Я опустилась в кресло и уставилась в тёмный камин. Мысли метались: с одной стороны — не моё дело, с другой — я гостя в этом доме. Я фаворитка Повелителя. Если я расскажу Дариану, он может... что? Разозлиться на брата? Наказать его?

Разрушить этот странный, но уютный мирок, который Тир и Селейна построили вдали от дворца? А если не расскажу

— я становлюсь соучастницей. Знаю и молчу. И ещё этот молодой дроу, подмигнувший Селейне.

Глава 17

Мелкая морось оседала на листьях сада, барабанила по подоконнику, создавая атмосферу, в которой хочется завернуться в плед и никуда не выходить. Я так и сделала: устроилась в кресле у окна с чашкой хвойного чая и мыслями, которые никак не желали укладываться в стройный порядок.

Прошло три дня с того вечера, когда я случайно увидела Тира в беседке. Три дня, в течение которых я старательно делала вид, что ничего не произошло. За обедом Тир был всё так же весел, Селейна — спокойна и приветлива. Они сидели рядом, обменивались улыбками, иногда по-домашнему касались друг друга. Если бы я не видела того, что видела, то ни за что не заподозрила бы, что у каждого из них есть тайная жизнь. Я поймала себя на мысли, что прокручиваю в голове всё, что знаю об этой семье. Тир — младший брат Повелителя, сосланный или добровольно удалившийся в поместье. Женат на Селейне, но крутит роман с полукровкой. Селена, в свою очередь, обменивается многозначительными взглядами с молодым дроу.

В моей прошлой жизни я бы, наверное, осудила. Хотя, признаться честно, и там сплетни не слишком развлекали меня. Жизнь слишком сложна, чтобы мерить всех под одну гребёнку. Тир и Селейна явно не были несчастны — возможно, их брак давно перешёл в ту стадию, когда супруги стано-

вятся скорее партнёрами и друзьями, чем любовниками. И каждый искал тепло на стороне, не афишируя, но и не мучаясь виной. Это, конечно, необычно, но по-прежнему не моё дело.

Вечером того же дня я села писать обещанное письмо Эла`атери. Она ждала новостей, и я описала ей поместье, сад, библиотеку, даже забавный случай за обедом, когда рыжий полукровка подавился косточкой и Тир лично выталкивал помеху, обхватив щуплого юнца сзади. Но о том, что видела в беседке, — ни слова. Я не базарная баба и уж тем более не стану распространять слухи о людях, которые приняли меня как гостью и не задавали лишних вопросов. Закончив письмо, я вернулась к книгам. Ирман не зря дал мне с собой «Трактат о магических искрах» и «Историю Подземного королевства». Я читала их параллельно, сопоставляя факты, и картина, которая вырисовывалась, была безрадостной.

Дроу когда-то обладали огромной магической силой. В древних хрониках описывались битвы, в которых тёмные эльфы призывали тени, управляли огнём, читали мысли врагов. Но с каждым поколением магия угасала. Автор «Трактата» — какой-то учёный с труднопроизносимым именем — связывал это с тем, что чистокровных дроу становилось всё меньше. Кровь смешивалась с людьми, со светлыми эльфами, с другими расами — и магическая искра слабела. К моменту воцарения Дариана большинство тёмных эльфов владели лишь слабыми остатками былой силы. Некоторые —

совсем никакой.

Я отложила книгу и задумалась. Память Малики была в этом смысле показательной: я могла вспомнить балы, наряды, сплетни, но ни одного эпизода, связанного с магией. Никто при дворе не использовал заклинаний. Даже в темнице, когда меня обвинили в измене, не было никаких магических допросов или проверок. Только бумажки с обвинениями и виселица на рассвете.

Но использование одного заклинания я всё-таки видела, вернее, слышала о нём. Ирман сказал, что на двух повешенных служанок было наложено заклятие молчания — мощное заклинание, которое не позволило им назвать имя того, кто поручил подбросить письма. Кто-то во дворце владел магией настолько, чтобы запечатать уста двум женщинам. И этот кто-то, скорее всего, был связан с гаремом. Я снова взяла перо и бумагу. Письмо к Ирману вышло коротким и деловым: «Советник Ирман, надеюсь, вы пребываете в добром здравии. Как обстановка во дворце? Я изучаю историю магии дроу и хотела бы уточнить: кто из наложниц владеет магической искрой? Это необходимо для моего личного расследования. С благодарностью, Малика».

Я намеренно сделала тон нейтральным — на случай, если письмо попадёт в чужие руки. Ирман поймёт, о чём именно я спрашиваю на самом деле. Он умён.

Ответ пришёл через два дня. Тильда принесла запечатанный свиток с фамильной печатью Файси'аэрион. Я сломала

печать и пробежала глазами по строкам.

«Леди Малика, рад получить от вас весть. Во дворце всё спокойно, хотя тишина эта кажется скорее затишьем. Что касается вашего вопроса: среди наложниц магической искрой не наделён никто, кроме одной. Единственная, кто владеет настоящей магией — Кайлина из Дома Эрайтариен. Её дар невелик по сравнению с древними, но достаточен для некоторых умений. Надеюсь, это поможет вашему исследованию. Берегите себя. Ирман».

Я откинулась в кресле. Снова Кайлина. Заклятие молчания на служанках — дело её рук или рук кого-то из её окружения. Но зачем? Чтобы скрыть, кто подбросил письма? Или чтобы скрыть что-то ещё, более важное? Я вспомнила наш разговор с Ирманом перед отъездом. Он говорил, что Кайлина ночует в покоях Повелителя, но никто не знает, о чём они говорят. Что, если она не просто жертва обстоятельств? Что, если она что-то задумала, и её магия играет в этом ключевую роль? В дверь постучали, вырывая меня из вихря мыслей, и я вздрогнула.

— Войдите.

На пороге стояла запыхавшаяся Тильда с круглыми от волнения глазами и помятым листком.

— Госпожа, весть из дворца! — выпалила она. — Повелитель Дариан завтра прибывает с визитом в летнее поместье! Вот так новость.

— Завтра?

— Да, госпожа! Гонец только что прискакал. Весь дом на ушах — госпожа Селейна распоряжается обедом, господин Тир`аниэль проверяет гостевые покои. Они просили передать вам, чтобы вы были готовы к приёму.

Я отпустила служанку и подошла к окну. Дариан едет в летний домик, в котором прячут его фаворитку. Официально — навестить брата. Но мы-то знаем. Завтра он будет здесь, и у меня есть чуть больше суток, чтобы решить, что ему сказать. Что я знаю? Что предполагаю? И готова ли я защищать Кайлину — женщину, которая, возможно, пыталась меня убить, но которая сама является жертвой этого жестокого дворца?

Я вспомнила наш последний разговор с Дарианом, когда он явился в мои покои во время праздника. Вспомнила, как он смотрел на меня. Вспомнила его слова: «Ты могла разбить хоть десять ваз. Лишать меня удовольствия видеть тебя было неверным решением». Тогда я использовала его страсть, чтобы получить информацию. Но теперь у меня была информация, которая могла изменить всё. Кайлина — заложница, магичка, пешка в игре Дома Эрайтариен. И Дариан, сам того не желая, сделал её врагом. Я посмотрела в темнеющее окно. Завтра решится многое, а пока нужно выспаться. Завтра мне понадобятся все мои силы и весь мой женский жизненный опыт.

Утро следующего дня пролетело как один миг. Летний дворец стоял на ушах: слуги натирали полы, садовники под-

стригали кусты, повара колдовали над обедом. Тир лично обходил гостевые покои, проверяя каждую мелочь, и я отметила про себя: он явно хочет произвести на брата впечатление. Значит, они в хороших отношениях. Будь иначе, Тир не суетился бы так, а встретил бы Повелителя с простой вежливостью, как того требует этикет, и не более.

Меня тоже готовили. Три служанки — Тильда, местная девушка по имени Лисса и пожилая дама, которая ведала гардеробом Селейны, — колдовали надо мной всё утро. Я чувствовала себя звездой перед выходом на красную дорожку: меня мыли, причёсывали, затягивали в корсеты, подносили на выбор ткани и камни. Тончайший батист кремового оттенка, отделанный кружевом цвета слоновой кости, лёг на кожу так, словно его и не было вовсе. Поверх белья платье цвета летнего заката, которое мы выбрали после долгих обсуждений. Глубокий, тёплый оттенок, переходящий от золотисто-абрикосового на груди к густо-лиловому на подоле, смотрелся роскошно. Ткань струилась при каждом движении, и когда я впервые прошлась перед зеркалом, все три служанки ахнули в унисон.

— Госпожа, вы затмите само солнце, — выдохнула Тильда.

— Надеюсь, — пробормотала я, вдевая в уши крупные прозрачные аметисты в серебряной оправе.

В качестве причёски решили оставить мягкие локоны, со-

бранные на затылке и закреплённые серебряными шпильками. Лишь несколько прядей свободно спадали на плечи. Косметики нанесли минимум: молодой коже Малики не требовалось много, достаточно было подчеркнуть глаза и украсить губы прозрачным блеском.

Когда я в последний раз оглядела себя в зеркале, оттуда на меня смотрела женщина, готовая к встрече с кем угодно — хоть с Тёмным Повелителем, хоть с целым Советом. Света удовлетворённо кивнула: полный порядок. Мы вышли встречать гостей на парадное крыльцо. Тир стоял впереди, рядом с ним — Селейна в серебристо-сером платье и Амари в нежно-голубом. Я держалась чуть позади, как и подобало гостье.

Чёрный, с серебряными гербами, запряжённый четвёркой вороных экипаж Повелителя показался на подъездной аллее ровно в полдень. За ним тянулся небольшой отряд стражи. Когда дверь открылась и Дариан ступил на землю, я на мгновение забыла обо всём, что планировала вчера. Глубокий, почти чёрный синий бархат камзола, серебряная вышивка по вороту подчёркивали массивную фигуру мужчины. Сапоги из мягкой тёмной кожи облегли рельефные икры. Взгляд из-под густых бровей, и Дариан немедленно нашёл меня в толпе. Дерзкая, brutальная красота, от которой у женщин подкашиваются колени. И, судя по тому, как дрогнула рука стоявшей рядом Амари, — не только у меня. Первым Дариан обнял брата.

— Тир! — он хлопнул его по плечу с такой силой, что более хрупкий мужчина пошатнулся.

— Дариан, ты всё такой же буйвол, — рассмеялся Тир, отвечая ему толчком в плечо. — Сколько лет у власти, а манеры не появились.

— Манеры — для Совета, — отмахнулся Повелитель. — А ты, я смотрю, всё добреешь. Селейна, признавайся, ты его откармливаешь?

Селейна улыбнулась и шагнула вперёд, чтобы поприветствовать шурина:

— Пытаюсь держать его в форме, но этот негодник тратит целое состояние на эль и вяленую оленину. Добро пожаловать, Дариан. Мы рады тебе.

Амари тоже подошла, склонила голову и что-то тихо сказала — я не расслышала, но Дариан тепло улыбнулся ей. Я наблюдала за этой сценой и мысленно ставила галочки: он любит брата, уважает его жену и её сестру. Они и есть его настоящая семья, которую он, вероятно, не мог позволить себе во дворце.

Наконец он повернулся ко мне.

— Леди Малика, — произнёс он церемонно, и я сделала вид, что купилась на этот официальный тон.

— Повелитель, — я склонила голову ровно настолько, насколько требовал этикет. Ни тени фамильярности, ни намёка на то, что я помнила его руки на своём теле и его голос, срывающийся на шёпот.

Он ответил таким же коротким кивком, и мы все направились в дом. Гостиная уже была готова: свежие цветы в вазах, лёгкие закуски на столиках, напитки, слуги выстроились вдоль стен. Но едва мы переступили порог, как Дариан чуть замедлил шаг, пропуская вперёд Тира с женой, Амари, слуг. А потом я почувствовала его пальцы на своём запястье, он потянул меня назад за колонну. В тень.

— Дариан, что ты...

Договорить не успела. Он прижал меня к себе и жадно, без предварительных нежностей впился в мои губы. Его руки сжали мою талию, притягивая ближе, и я почувствовала жар его тела сквозь слои шёлка. На секунду мир вокруг исчез — остались только его губы, его запах, его голод, который он и не пытался скрыть. Я расхохоталась, отстраняясь на пару дюймов:

— Дариан! Слуги увидят!

— И что же они увидят? — его голос прозвучал ниже, с опасной хрипотцой. — Что я хочу свою женщину? Пусть смотрят.

Его ладонь скользнула по моей спине ниже, и по телу пробежала дрожь от желания. Глупое, молодое тело Малики отзывалось на него мгновенно, как струна на прикосновение музыканта. Я почувствовала, как внутри разливается знакомый жар, но Света рывкнула: «Соберись, тряпка! У нас важное дело!» Я мягко, но решительно отстранилась:

— Приличия, Дариан. Вечером — поговорим.

Он посмотрел на меня как хищник, который знает, что добыча всё равно будет его, и нужно просто подождать подходящего момента.

— Вечером, — повторил он многообещающе и отпустил.

День прошёл в приятной суете. Обед длился долго и был неформальным — Дариан и Тир обменивались новостями, шутили, подкалывали друг друга. Селейна тепло улыбалась всем собравшимся, Амари пару раз вставляла острые замечания, от которых Повелитель хохотал в голос. Я сидела напротив Дариана и поддерживала беседу, но мыслями возвращалась к одному и тому же вопросу: как подвести его к разговору о Кайлине? Как сделать так, чтобы он не отмахнулся от Малики?

После обеда мы гуляли в саду. Дариан подставлял лицо солнцу, вдыхал запах цветов, и я видела, как этот суровый мужчина понемногу расслабляется. Здесь, вдали от дворца, от Совета, от интриг, он был не Тёмным Повелителем, а мужчиной, который скучает по простой жизни. Мужчиной, который ото всех устал. Вечером он постучал в мою дверь, я ждала его. Свечи в покоях уже догорали, и в полумраке моё платье цвета летнего заката казалось налитым тёмным пламенем. Он вошёл без церемоний, закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. Несколько секунд смотрел, а потом начал медленно обходить меня по кругу. Его взгляд скользил по моим плечам, по талии, по бёдрам. Он не говорил ни слова, но каждое его движение было красноречивее любых

речей. Я стояла неподвижно, позволяя ему смотреть.

— Я скучал, — произнёс он наконец, и к своему удивлению в его голосе помимо пламени страсти я услышала и тоску.

— Я тоже, — ответила я, и это было правдой.

Он шагнул ближе.

— Ты даже не представляешь, как сильно, — его пальцы коснулись моего плеча и медленно провели вниз по руке. — Эти дни без тебя... — вторую руку он завёл мне за спину, — пустая трата времени.

Я улыбнулась краешком губ:

— У тебя есть другие наложницы.

— Они — не ты.

Он снова притянул меня к себе, и на этот раз я не стала отстраняться. Его поцелуй был требовательным — он не просил, он брал. Но я решила использовать момент. Отвечая на поцелуй, я чуть отстранилась и небрежно заметила:

— Кстати, я тут изучала магию дроу...

Дариан тихо зарычал мне в шею:

— Малика, не сейчас.

— Но это важно! Кайлина...

— Далась тебе эта речная рыба, — он прикусил кожу у меня над ключицей, и я ахнула. — Я приехал не к Кайлине, я приехал к тебе.

Его ладони легли на мои бёдра, сильно, властно, не терпя возражений сжали. Он не давал мне отстраниться, не давал

передохнуть. Каждое моё движение он перехватывал, каждый вдох ловил губами. Его напор не был грубым, но он был неумолимым. Он пришёл за мной и не собирался ждать. Я попыталась ещё раз:

— Дариан, послушай...

— Нет, — он подхватил меня на руки и понёс к кровати.
— Это ты послушай. Сейчас я хочу только тебя. Остальное подождёт до завтра.

Он опустил меня на бархатное покрывало и навис сверху. В его глазах, в свете догорающих свечей, плясали золотые искры.

— Завтра, — простонала я, сдаваясь.

— Завтра, — подтвердил он. — А сейчас...

Его пальцы нашли застёжку платья, и я закрыла глаза. Света тихо вздохнула: «Ладно. Попробуем завтра». А молодая, страстная, желанная Малика блаженно растворилась в его руках.

Глава 18

Проснулась я одна. Подушка рядом ещё хранила терпкий, мужской, с нотками кожи и сандала запах Дариана. Но самого Повелителя в постели уже не было. Я потянулась, чувствуя приятную усталость во всём теле, и улыбнулась. Вчерашняя ночь была именно такой, какую я планировала — с одной поправкой: поговорить о Кайлине так и не удалось. Впрочем, я не жалела. Иногда мужчине нужно дать то, что он хочет, чтобы потом получить то, что нужно тебе. Старая бухгалтерская мудрость: сначала закрываем дебет, потом требуем кредит.

Я села в постели и огляделась. Покои тонули в мягком утреннем свете, платье цвета летнего заката небрежно висело на спинке кресла. Аметистовые серьги аккуратно лежали на туалетном столике — Тильда уже успела прибраться, пока я спала. На столике у кровати стоял поднос со свежими булочками, фруктами и чайником. Рядом обнаружилась записка. Я взяла сложенный листок. Почерк Дариана оказался неожиданно аккуратным — твёрдые, чёткие буквы, без завитушек.

«Ушёл на встречу с братом. Вернусь к обеду. Не скучай».

Я хмыкнула: «Не скучай». Как трогательно, по-человечески. Но меня сейчас интересовали не его нежности, а его планы. Вчера он дважды ушёл от разговора о Кайлине. Сегодня этот номер не пройдёт.

Я быстро привела себя в порядок, выбрав простое платье молочного цвета, и спустилась к завтраку. В столовой уже собрались обитатели поместья — Тир, Селейна, Амари, несколько гостей из числа свободных жителей. Дариана не было. Я села рядом с Селейной и завела лёгкую беседу о погоде, о саде, о вчерашнем обеде — всё, что угодно, лишь бы не выдать своего нетерпения. Тир, заметив мой взгляд, брошенный на пустой стул во главе стола, усмехнулся:

— Брат ещё с управляющим разбирается. Выясняет о поставках, сверяет счета. Он всегда приезжает отдыхать, а в итоге работает.

— А когда же он отдыхает? — насмешливо спросила я.

— Только когда ты рядом, — Тир подмигнул мне и тут же получил тычок локтём от улыбающейся Селейны.

Я улыбнулась тоже, просчитывая, как лучше поступить. Значит, Дариан с управляющим. Отлично. Повелитель в деловом настроении. Наверняка с ним, как с моим бывшим мужем, проще всего говорить о делах, когда он уже в них погружён. После завтрака я отправилась к Дариану сама. В конце концов, Света никогда не была терпеливой. Я поднялась на второй этаж, где располагался кабинет управляющего. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносился властный голос Дариана:

— ...поставки зерна из восточных провинций задерживаются третий месяц. Я хочу знать причину. Это уже не сезонное явление, это саботаж.

— Повелитель, дороги размыло дождями, — отвечал другой, старческий, чуть дребезжащий голос, — но я свяжусь с поставщиками...

— Свяжись сегодня же.

Я кашлянула, обозначая своё присутствие, и постучала. Голоса затихли. Через секунду дверь открылась, и Дариан, увидев меня, чуть приподнял бровь.

— Малика? Что-то случилось?

— Ничего срочного. Я могу подождать, если ты занят.

— Нет, мы уже закончили, — он кивнул управляющему, и тот, поклонившись, выскользнул за дверь.

Я вошла в кабинет — небольшую комнату с дубовым столом, заваленным бумагами, картами и какими-то свитками. Дариан стоял у окна, скрестив руки на груди. Солнечный свет падал на его лицо, и я в очередной раз отметила, насколько он красив. Но сейчас меня интересовали не его скулы и не его плечи, а его мозг.

— Ты выглядишь озабоченным, — сказала я, приближаясь к нему со спины. — Проблемы? — Я положила руки на напряжённые плечи.

— Проблемы везде, — он махнул рукой. — Восточные провинции недовольны налогами. Северные требуют больше войск для охраны границ. А Совет... — он осёкся и посмотрел на меня. — Тебе это неинтересно.

— Ты ошибаешься, — я провела руками по его плечам, чуть надавливая. — Мне очень интересно. Ведь люди из со-

вета гостят в твоём дворце.

Дариан нахмурился. Я почувствовала, как его плечи напряглись. Вот он — опасный момент. Сейчас он либо закроется, либо начнёт говорить. Нужно действовать тоньше.

— Я не спрашиваю из праздного любопытства, — добавила я. — Я живу в твоём дворце. Я чуть не была казнена по ложному обвинению. Двух служанок повесили, наложницу отравили. И всё это происходит с участием твоего гарема. С женщинами, которые тебя окружают. Одна из которых даже владеет магией.

Он замер.

— Откуда ты знаешь про магию?

— Читаю книги, — я пожала плечами. — У тебя в гареме есть единственная чистокровная дроу, которая унаследовала магический дар — Кайлина. А на служанок наложили заклятие молчания, хоть и простое, но магическое.

Дариан развернулся, обошёл меня и медленно опустился в своё кресло. Я последовала за ним и села напротив. Теперь Повелитель рассматривал меня не просто как объект страсти, а смотрел на меня задумчиво, чуть растерянно. Моя роль в его глазах медленно начала трансформироваться, и он гадал, что с этим делать.

— Что ты хочешь этим сказать? — тихо спросил он.

— Пока ничего, но я хотела бы узнать больше о Кайлине. Тем более если она угрожает твоей безопасности.

Он откинулся в кресле и провёл рукой по своему ёжику

волос. Потом вздохнул — тяжело, как человек, который долго носил груз и наконец решил его с кем-то разделить.

— Кайлина — моя заложница, — сказал он. — Ты, наверное, уже наслышана. Её Дом, Эрайтариен, — один из сильнейших. Когда я боролся за трон, её старший брат, Рила'адерон, был моим главным соперником. Я победил, но не разгромил его, у него остались сильные сторонники в Совете. У него осталась армия. Чтобы удержать мир, я должен был связать ему руки, и для этого я забрал Кайлину.

— Взял в заложницы, чтобы брат не устроил переворот.

— Да. Мы заключили договор, — Дариан горько усмехнулся. — Она находится в гареме, но официально считается моей невестой. Это был компромисс: я не убиваю Рила'адерона, не конфискую земли Эрайтариен, но они отдают мне дочь и признают мою власть. Если с ней что-то случится — начнётся война. Если я отпущу её и останусь без гарантий — начнётся война. Если я женюсь на ней...

— То войдёшь в дом, который хочет тебя свергнуть своим, — закончила я.

— Именно. — Он посмотрел на меня. — Я не хочу жениться на Кайлине. Я вообще не хочу жениться. Но пока она здесь, а её семья сильна, я должен соблюдать формальности: появляться с ней на мероприятиях, делать вид, что помолвка в силе.

Я молчала, переваривая услышанное. Кайлина ненавидит меня не потому, что я увела у неё мужчину. Она ненавидит

меня, потому что я — доказательство того, что её положение здесь — фикция. Что Дариан никогда не собирался делать её женой. Что она навсегда застряла в неволе.

— А её магия? — спросила я.

— Слабый дар, — Дариан отмахнулся. — Заклинания тишины, заглушения, что-то ещё. Она демонстрировала его пару раз перед Советом, чтобы напомнить о своей крови. Я не знал, что она использовала его на служанках. Если это была она, конечно.

— Это была она, — тихо сказала я. — Я почти уверена.

Дариан долго смотрел на меня. Потом вдруг подался вперёд и взял мою руку. Его ладонь была горячей и тяжёлой.

— Зачем ты спрашиваешь всё это, Малика? Чего ты хочешь?

— Справедливости. — Я не отняла руку. — Меня подставили, и я хочу знать, кто. Если это Кайлина — я хочу, чтобы она ответила за это. Если кто-то другой — я хочу найти настоящего врага.

— Ты говоришь как мой советник. — В его голосе появилась тёплая ирония.

— Я говорю как женщина, которая устала бояться. Ты держишь Кайлину в заложниках, Совет давит на тебя. Твои наложницы плетут интриги. А я просто хочу жить спокойно, без риска быть отравленной или повешенной. Разве это так много?

Он встал, обошёл стол и остановился у меня за спиной.

Положил руки мне на плечи.

— Ты не такая, как все, — тихо сказал он. — Ты не боишься меня, не льстишь. Ты говоришь то, что думаешь. Это... необычно.

— Это потому, что мне нечего терять, — я повернулась к нему лицом. — Ты уже чуть не казнил меня. Чего мне бояться?

Он мягко приподнял моё лицо за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

— Я не дам тебя в обиду. Но и втягивать в свои войны я тебя не хочу.

— Поздно, — я усмехнулась. — Я уже втянута. И если ты позволишь, я могу помочь.

Он поднял бровь.

— Помочь? Чем?

— Я знаю законы дроу, — я старалась говорить небрежно, хотя сердце билось быстрее. — Я изучала их. Знаю, как можно расторгнуть помолвку без войны. Нужно только найти правильный повод.

Он изучающе оглядел моё лицо. В его взгляде, помимо привычного желания, мелькнуло уважение и лёгкая, ещё не осознанная им самим тревога.

— Ты полна сюрпризов, Малика.

— Я стараюсь, Повелитель.

Он наклонился и медленно, задумчиво, словно пробовал на вкус не только мои губы, но и всё, что я только что сказа-

ла, поцеловал меня. Когда он отстранился, в его глазах горел уже знакомый огонь.

— Мы вернёмся во дворец через три дня, — сказал он. — И ты расскажешь мне всё, что узнала за это время. А пока...

— А пока у тебя ещё есть дела здесь, — я решительно выскользнула из его рук. — А у меня — книги, которые нужно дочитать.

— Ты невозможна, — покачал головой Дариан, но в его голосе звучало восхищение.

— Знаю, — я направилась к двери, но на пороге обернулась. — И, Дариан, спасибо за честность. — Я, соблюдая церемонии, глубоко поклонилась. — Это было неожиданно.

— Я тоже стараюсь, — усмехнулся он. — Для тебя.

Я вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. Только в коридоре позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось как после хорошей пробежки. Я получила честные ответы. Теперь осталось понять, что с ними делать. Вечером того же дня, отужинав в общей столовой — Дариан сидел рядом, и его рука то и дело касалась моего колена под столом, заставляя меня метать в него испепеляющие взгляды, а Тиру и Селейне — делать вид, что они ничего не замечают, — я вернулась к себе. Нужно было написать письмо Ирману. Я села за стол, зажгла свечу и взяла перо.

«Ирман, я говорила с Повелителем. Он подтвердил то, что вы рассказывали о Кайлине. Она действительно обладает магией. Заклятие молчания — вероятнее всего, её рук дело.

Но дело не только в этом. Дом Эрайтариен давит на Дариана через Совет. Поставки зерна с востока задерживаются, и это не случайность. Мне кажется, они что-то готовят. Что-то, что может ударить не только по Повелителю, но и по всему дворцу. Я возвращаюсь через три дня. Пожалуйста, будьте осторожны. И если что-то произойдёт — дайте мне знать немедленно.

С благодарностью и надеждой на скорую встречу, Малика».

Я запечатала письмо и вызвала Тильду, чтобы та отнесла его доверенному гонцу Повелителя. Потом подошла к окну: в саду уже зажглись магические огни, и их мягкий свет разливался по дорожкам золотистыми лужицами. Где-то там, в тени Дома Эрайтариен, зрела угроза, о которой Дариан говорил так неохотно. А где-то во дворце Ирман ждал моего возвращения, и я знала: когда мы встретимся снова, многое изменится. Но я готова к этим переменам.

Поддержи автора и узнай, чем всё закончится.

139p - цена чашки кофе или начало твоего любимого цикла!

Глава 19

Обратная дорога во дворец выдалась не такой безмятежной, как путь в летнее поместье. Тогда я ехала с лёгким сердцем, предвкушая отдых от интриг. Теперь я добровольно возвращалась в самое сердце бури. Дариан сидел напротив, откинувшись на бархатные подушки экипажа. Он был задумчив и угрюм, его брови то и дело сходились к переносице. Утром, перед самым отъездом, прискакал гонец с вестью: расследование смерти Найли завершено.

— Ядовитая ягода терна, — процедил Дариан, пересказывая мне донесение. — Наложница якобы сорвала её в саду, съела и отравилась. Нелепая случайность. Дело закрыто.

— И ты веришь в это? — спросила я, хотя ответ был очевиден.

— Я похож на идиота? — он горько усмехнулся. — Но выводы следствия утверждены, подписаны и приняты.

— Кем?

— Вот это и бесит меня больше всего, — его кулак сжался на колене. — Советником Вэлианом. С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.